

★ #живиДонбасс ★

Живи, Донбасс!

Сергей Лукьяненко
Андрей Лазарчук
Роман Злотников
Александр Пелевин
Эдуард Веркин
Александр Конторович
Дмитрий Казаков
Сергей Волков
Михаил Тырин

**Дмитрий Львович Казаков
Сергей Васильевич Лукьяненко
Роман Валерьевич Злотников
Дмитрий Николаевич Байкалов
Михаил Юрьевич Тырин
Андрей Геннадьевич Лазарчук
Сергей Юрьевич Волков
Михаил Харитонов
Иван Сергеевич Наумов
Александр Пелевин
Наталия Михайловна Курчатова
Александр Сергеевич Конторович
Эдуард Николаевич Веркин
Живи, Донбасс!**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51935558

Живи, Донбасс!:

ISBN 978-5-00155-209-3

Аннотация

Никакая, даже самая необузданная фантазия, не в состоянии предвидеть многое из того, что для Донбасса стало реальностью. Разбитый артиллерией новой войны памятник героям Великой отечественной, войны предыдущей, после которой, казалось, никогда не начнется следующая. Объявление «Вход с оружием запрещен» на дверях Художественного музея и действующая Детская железная дорога в 30 минутах от линии разграничения. Настоящая фантастика – это повседневная жизнь Донбасса, когда упорный фермер с улицы Стратонавтов в четвертый раз восстанавливает разрушенный артиллерией забор, в прифронтовом городе проходит фестиваль косплея, билеты в Оперу проданы на два месяца вперед. Символ стойкости окруженного Ленинграда – знаменитые трамваи, которые снова пустили на седьмом месяце блокады, и здесь стали мощной психологической поддержкой для горожан.

«А Город сражается по-своему – иллюминацией, чистыми улицами, живой музыкой...»

#живиДонбасс

Содержание

Слово к читателю	6
Дмитрий Казаков	9
Иван Наумов	30
Татьяна Маховицкая	62
Андрей Лазарчук	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Живи, Донбасс!

- © Сергей Лукьяненко, 2020
- © Андрей Лазарчук, 2020
- © Роман Злотников, 2020
- © Александр Пелевин, 2020
- © Эдуард Веркин, 2020
- © Александр Конторович, 2020
- © Дмитрий Казаков, 2020
- © Сергей Волков, 2020
- © Михаил Тырин, 2020
- © Фалена Лысакова, 2020
- © Дмитрий Байкалов, 2020
- © Фаина Савенкова, 2020
- © Александр Наумов, 2020
- © Иван Наумов, 2020
- © Татьяна Маховицкая, 2020
- © Михаил Харитонов, 2020
- © Наталия Курчатова, 2020
- © ООО «Яуза-Каталог», 2020

Слово к читателю

Донбасс.

Процветающий, промышленный, богатый, лихой и безудержный. Или Донбасс – окровавленный, расстрелянный, разорённый, озлобленный, но не сломленный. Какой же Донбасс настоящий? Окопный, ощетилившийся орудиями и блокпостами? Или тот, что проводит литературные конвенты, рок-концерты и фестивали косплея? Замирающий в комендантский час или же распахивающий двери «Донбасс Оперы», музеев и филармонии?

Мятежный регион или новое независимое государство? А, быть может, новый субъект Российской Федерации?

Кто лучше писателя-фантаста может предсказать будущее?

Ясно одно, Донбасс будет жить. Свободным, процветающим и богатым. А каким путём он этого достигнет, через что придётся пройти дончанам, мы попросили описать самых близких друзей нашего региона – писателей-фантастов.

Ужас гражданской войны в первую очередь в том, что по разные стороны баррикад встают вчерашние коллеги, друзья и родственники. Не избежало этого раскола и писательское сообщество. С одной стороны – талантливый, успешный Ян Валетов всеми силами старается пойти по пути Юлиуса Штрайхера, искусно сплетая паутину пропагандистской лжи

вокруг нашей беды. С другой – запылённый, в потёртом камуфляже, с автоматом на плече, защищающий свою страну Федор (Чапай) Березин. А рядом с Чапаем улыбается Александр (Дядя Саша) Конторович, позывной которого до сих пор вызывает дрожь у солдат ВСУ. С одной стороны, неожиданно ставший оголтелым украинским националистом Андрей Валентинов, с другой – Андрей Лазарчук, что помогал создавать беспилотную авиацию Республики.

И всё же с нашей стороны лучшие, и их значительно больше. Сергей Лукьяненко, который ежедневно защищает Донбасс на информационном фронте, Сергей Волков и Михаил Тырин, что собирают гуманитарную помощь как для бойцов, так и для мирного населения. Роман Злотников, организовавший детям Макеевки прекрасную экскурсию в Москву. Сергей Чекмаев, которому принадлежит идея создания этого сборника, и многие-многие другие.

Ещё в далёком 2016 году Андрей Лазарчук предложил провести в Донецке фантастический конвент. Учитывая напряжённую обстановку, мы приняли решение подождать. Прошло почти три года, и наконец в сентябре 2019-го под патронатом Главы ДНР Дениса Пушилина конвент состоялся. Организаторами выступили Общественная палата ДНР, Русский Центр и Союз писателей ДНР. Двадцать четыре писателя-фантаста из России, издающиеся на множестве языков по всему миру, не побоявшись обстрелов, презрев всевозможные санкции и обструкцию оставшихся украинских

читателей, приехали к нам. Успех Фестиваля «Звёзды над Донбассом» оказался настолько впечатляющим, что организаторы приняли решение сделать его ежегодным.

По итогам фестиваля, по ещё свежим впечатлениям участников и появилась идея этого сборника. Помимо рассказов самих участников, в книгу вошли тексты и молодых писателей Донбасса, отобранные весьма строгим жюри. К примеру, одиннадцатилетняя Фаина Савенкова, самая молодая участница конвента, написала историю в соавторстве с маститым Александром Конторовичем.

Насколько получился сборник удачным, решать тебе, дорогой читатель. Мы своё дело сделали.

На мой взгляд, литературные фестивали – признак высокой интеллектуальной культуры. Учитывая, как славилась домайданная Украина своими литературными конвентами и как она лишилась их теперь, единственным культурным регионом в пылающей стране остался Донбасс.

Который будет жить! Даже не так... Он и сейчас живёт. Вопреки всему.

#живиДонбасс. Вот так правильно!

Александр Кофман, председатель Общественной палаты ДНР

Дмитрий Казаков

Возвращение

– Вы уверены, что готовы умереть? – спросил Доктор..

Синева халата резала глаза, и Старик невольно отвёл взгляд.

– Готов, – прохрипел он и не выдержал, закашлялся.

Тридцать лет в шахте, три десятилетия под землёй, в темноте, в угольной пыли. Теперь пыль внутри, она выходит с каждым плевком, но стыдно харкать здесь, на чистый металлический пол, где размытым пятном отражается яркая лампочка под белым потолком.

– Готов, – подтвердил Старик, одолев приступ, и посмотрел Доктору в лицо: гладкое, розовое, нос прямой, губы бледные, очки в тонкой серебристой оправе. – Если это не сделать завтра, то оно и так случится... через полгода... только куда хуже... Зачем мне здесь оставаться? Жену... ну вы знаете... – и он махнул рукой.

Широкая ладонь, кривые толстые пальцы, мозоли, чёрная кайма под ногтями.

Доктор знал.

Жена Старика погибла шесть лет назад, во время едва ли не самого первого обстрела. Вышла в магазин и не вернулась, а когда он нашёл её, то узнал только по платью, ярко-жёлто-

му, как летнее тёплое солнце.

И ещё Доктор знал, что Старик на самом деле умрёт через пять-шесть месяцев: кашель с каждым днём хуже, и снимки говорят, что там, внутри, не только пыль, родная и привычная, а нечто чуждое, жрущее, убивающее.

– Хорошо, – сказал Доктор, и блестящая ручка в его руках издала громкий щелчок. – Осталось пройти финальный тест... сможете ли вы, хватит ли сил...

Старик кивнул.

Его отвели в соседнюю комнату, где на столах громоздилось оборудование: сплошь металл и стекло, блестящие трубки и индикаторы. В зеркале на стенке шкафа Старик увидел своё отражение: чёрная, как тот же уголь, одежда, складки на лице, седина.

Игла вошла в вену почти без боли, замигали лампочки внутри стального колпака, куда его попросили сунуть голову. От кислого запаха химии захотелось чихнуть, но ему на смену пришёл другой, сладкий, но тоже ненатуральный, как у геля для мытья посуды.

Потом сняли кардиограмму, эту процедуру Старик хотя бы знал.

– Всё хорошо, – сказал Доктор, изучив результаты. – Вы справитесь... Только... Обязан предупредить, что смерть это очень болезненная... И не такая быстрая...

Старик облизал пересохшие губы.

– Сколько? Несколько часов? – буркнул он и снова закаш-

лялся, тяжело, до хрипа в груди и чёрных кругов перед глазами. Отдышался и заговорил опять, стиснув кулаки. – Другие боль терпят годами... кто телесную, кто душевную...

Он мог вспомнить соседку, потерявшую двух сыновей на этой войне.

Мог рассказать о старом друге по шахте, который после бомбёжки лишился ноги и заболел какой-то мучительной дрянью, такой, что в эту лабораторию ему нет смысла приходить, так что глотай таблетки, когда они есть, и ори во всё горло, когда их не смогли достать. И так годами...

Но Старик никогда не умел долго и красиво говорить.

– Тут я хоть с пользой... Чтобы другим после меня лучше стало... Ведь станет? – выдавил он.

Сам боялся себе признаться, но решимость, с которой он пришёл, таяла, словно кусок сахара в горячем чае. И поднимал голову страх, такой обычный человеческий страх боли и смерти, обитающий в душе у каждого, точно змей в райском саду.

Главное – не давать ему воли и силы...

Но под холодными взглядами приборов, в ярком свете голых лампочек, окутанный химической вонью Старик ощущал себя как никогда слабым, грязным и ничтожным... Шевелились мысли, давно задавленные и изгнанные, которых он стыдился: всякая борьба бесполезна, нужно сдаться и отступить.

– Конечно, станет, – подтвердил Доктор. – Пойдёмте в ка-

бинет.

Они вернулись в ту комнату, где разговаривали сначала, и он достал из стола папку из синего пластика. Зашуршали бумаги, снова щёлкнула та же блестящая ручка, но на этот раз её предложили Старику.

– Необходимо ваше согласие, письменное, – Доктор смотрел спокойно, понимающе. – Но если вы откажетесь, то нет проблем... Можете прийти ещё раз, через месяц, два... Дальше будет поздно. Если тело слишком слабое, ничего не получится.

Старик задышал чаще, снова облизал губы, сухие, точно покрытые коростой.

– Другим же станет лучше? – повторил он, упрямо наклоня голову, как делал всегда, когда становилось совсем тяжело: не только в шахте к концу смены, хотя там чаще всего; снова вспомнил жену, ярко-жёлтое пятно её платья на окровавленном асфальте.

Что странно, он не испытывал ненависти к тем, кто это сделал.

Он просто хотел, чтобы подобное никогда не повторилось... и ради этого готов был пойти на смерть и на боль.

– Мы уже закрыли от обстрелов Горловку, – сказал Доктор. – Целиком и полностью. Закрыли Киевский район и двигаемся в сторону аэропорта, чтобы защитить город... Тысячи людей могут жить спокойно, не бояться обстрелов, и всё благодаря таким, как вы... таким... – голос его, до се-

го момента спокойный, надломился, словно кусок пластика, стало видно, что под синевой халата и шапочки, под блеском очков прячется живой человек, тоже наверняка пострадавший от войны.

И эта чужая жизнь словно передалась Старiku.

Он почувствовал себя бодрым, настоящим, вспомнил жёну много лет назад... радостную, смеющуюся, в другом платье, но тоже жёлтом, как цветы, как солнце... почему он никогда не замечал, что она так любит этот цвет, не обращал внимания?

Её не вернуть, счастья не будет никогда... и ему в любом случае умирать.

Либо эгоистично и одиноко, либо так, чтобы другим вышла польза.

Так пусть у других будет это всё: платья, радость и смех, жизнь в безопасности, счастье и мир.

– ...благодаря тем, кто пожертвовал собой, – закончил Доктор, снял очки и аккуратно протёр их извлечённой из кармана тряпочкой.

Несколько часов страшной боли ради того, чтобы послужить земле, на которой ты провёл всю жизнь, которая породила и выкормила тебя, дала тебе всё, начиная с тебя самого?

– Я согласен, – сказал Старик. – Где тут закорючку ставить?

Внутри древнего уазика через запах бензина пробивались намёки на то, что в этой машине буквально живут: подсохший хлеб, копчёная колбаса, грязная одежда, хозяйственное мыло.

– Здравствуйте, – сказал Ополченец с переднего сиденья и протянул руку.

На город тяжёлым брюхом наваливались сумерки, в машине и вовсе царил полумрак, так что Старик не мог разглядеть лица собеседника, различал только бородку, вроде бы рыжеватую, блестящие глаза и белый мазок улыбки.

– Здравствуйте, – ответил он, пожимая ладонь, такую же мозолистую и жёсткую. – Далеко ехать?

В нагрудном кармане хрустнула запакованная в целлофан карта: мешанина точек, линий, коричневых и зелёных пятен; названия, которые Старик знал полвека назад, когда босоногим пацаном бегал за гусями в деревне. Зачем ему карта, это его родина, он тут с закрытыми глазами найдёт любую балку, каждый ручей... но Доктор велел захватить.

Помимо карты, в кармане лежало ещё кое-что размером с авторучку.

– А это как получится, – Ополченец дёрнул рычаг, закрутил руль.

Уазик ожил, скакнул вперёд металлическим козликом.

– Иногда удаётся быстро долететь... а иногда мешают разные с той стороны, – машину качнуло на повороте, поплыли за окнами улицы, люди, идущие по тротуарам, дома, вывески магазинов.

Родной город, родной, хотя на свет Старик появился не здесь, но ведь Донбасс – единое целое, и лишь тот, кто этого не чувствует, может бросить этот край, испугаться и уехать. Ведь предлагали Старику родственники из Воронежа перебраться к ним сразу после гибели жены, но он отказался тогда, о чём очень редко, в минуты слабости, жалел.

Кому он там нужен, на чужбине? Ещё один беженец, дряхлый, бесполезный...

А здесь он ещё пригодится.

Перед глазами полыхнуло жёлтым, словно вновь увидел то самое платье. Ополченец чертыхнулся, уазик заскрежетал, вильнул в сторону, тяжёлый гул саданул по ушам, внутренности завибрировали.

Обстрел!

– Пригнись! – рывкнул Ополченец и добавил скорости.

Старик упрямо поднял подбородок.

Если ему суждено умереть здесь, то никакое «пригнись» его не спасёт, никакая броня не уберезёт... И лучше уйти на тот свет с гордо поднятой головой, а не скрюченным, как испуганный червь.

Новая вспышка, сбоку, на крышу машины, что-то с лязгом упало.

Надсадное рычание мотора, визг покрышек, запахи раскалённого машинного масла и горячего металла, постоянные удары и толчки, когда тебя бросает из стороны в сторону, и страх пытается выбраться из сердца, как червяк из яблока, чтобы сожрать тебя целиком, разевает зубастую пасть, ещё крохотную, но способную вырасти...

Третий разрыв, теперь за спиной, свист осколков, секущих воздух, дребезжание стёкол, ожидание того, что одно из них вот-вот разлетится вдребезги, но ты этого не услышишь, поскольку сталь найдёт путь к твоей плоти, вопьётся в неё, разорвёт и выпустит кровь...

Они вынырнули из города как из воды, оказались посреди поля на пустой дороге. Ополченец добавил газу, и Старик вцепился в сиденье впереди, борясь с царапающим грудь кашлем.

Слева полыхал закат, багрово-оранжевый, под ним лежал тёмный мир.

Далёкое стрекотание возвестило, что по ним начали палить из пулемёта. Фонтанчики пыли вздыбились впереди и справа, будто чёрная плоть земли выплёвывала чуждые ей пули.

– Ещё немного... ещё немного! – прохрипел Ополченец, бросая взгляд через плечо. – Держись, дед!

Старик подумал: «На что он надеется?» – и тут кашель победил его.

Лёгкие прорезало острой болью, на несколько минут он

забыл о том, что творится вокруг... А когда вернулся, то обнаружил, что разрывы и стрельба остались далеко за спиной, а слева тянется ряд Деревьев...

Очень высокие, толстые и ровные стволы, широченные кроны, на вид не очень плотные. Через ветки просвечивает закат, точно кровь стекает по гладкой коре, собирается лужицами у корней.

Но эту хрупкую завесу не в силах преодолеть ни пуля, ни снаряд.

– Прорвались, – сказал Ополченец и опустил стекло, открывая дорогу осеннему ветру; свежее дыхание, пахнувшее асфальтом, коснулось лица Старика, и он понял, что лицо всё в поту. – Там дальше ещё один участок голый, но его объехать можно... небольшой крюк, но мы же никуда не торопимся... верно?

И он снова обернулся, глянул на пассажира с улыбкой.

Старик кивнул.

– Остановиться не надо? – спросил Ополченец. – Нет... ну мне надо. Покурю...

Они свернули к обочине, мотор замолчал, донёсся шорох качавшихся на ветру веток. Старик оперся лбом о спинку кресла, подумал, не выйти ли тоже из машины, но потом решил, что не стоит.

Вновь застрекотал пулемёт, ровные щелчки известили, что пули бьются о стволы и сучья, отскакивают и падают на землю, бессильные, лишённые фальшивого, злобного подобия

жизни, которое даровал им порох... На древесной же плоти не осталось ни единой зарубки, даже вмятины, не сломалась самая тонкая веточка.

Старик не мог этого видеть, он знал.

Когда два года назад выросли первые Деревья, на них ходили смотреть как на диковину... И убеждались, что ни мина, ни снаряд из тяжёлой пушки ничего с ними сделать не может даже при прямом попадании... Ну а всякая убийственная сталь притягивается словно магнитом, чтобы стать бесполезным металлоломом...

Ополченец аккуратно затушил окуроч, убрал в пакетик для мусора.

Хлопнула дверца, ожил мотор.

– Ничего, когда-нибудь мы вырастим лес до Славянска и до Покровска, – проговорил Ополченец.

– Когда только? – Старик поднял голову.

– Ну по тому, как пошло дело, лет через пять-шесть. И тогда они уберутся прочь. Вернутся домой, но не все... – Ополченец передёрнул широкими плечами, лежавшие на руле кисти на миг сжались так, что даже в сумраке проступила белизна на костяшках. – Некоторые останутся. Но никто не придёт на их могилы. Никто и никогда.

«А на мою?» – хотелось спросить Старику.

Хотя он знал ответ: после того, на что он отважился сегодня, у него не будет куска земли на кладбище с торчащим из него крестом.

Будет нечто совсем иное.

– Ну поехали, – бросил Ополченец, и уазик отозвался на эти слова мягким, ласковым ворчанием.

* * *

Костер дымил, плевался искрами, давал много тепла и совсем мало света. Наверняка у Старика что-то было не так с глазами, но различал он только силуэты.

Широкоплечий и невысокий – Ополченец, с которым он приехал, сидит рядом, черпает ложкой кашу из котелка и лопает так, что за ушами трещит. Другие, повыше и поуже, одинаковые благодаря тёплой одежде и оружию, с которым никто не расстанётся, – его соратники.

Старику тоже выдали миску, и он неспешно жевал горячее варево, ощущал запахи тушёнки и гречки. Во мраке вокруг чудилась жизнь, скрытая, но обильная – приглушенные голоса, шевеление, топот, далёкий зов совы, лай собак, голоса ещё каких-то то ли птиц, то ли насекомых, хотя какие насекомые в октябре?

– Хорошо, – сказал Ополченец и поставил котелок на землю. – Эх, чайку сейчас!

Он поднялся, вернулся с двумя кружками, над которыми поднимался парок. Благодарно кивнув, Старик принял свою, обжёг ладонь даже через шахтёрские мозоли, но всё равно отхлебнул, чтобы почувствовать вяжущую, раскалённую го-

речь, которую не замаскирует и гора сахара.

Карта была всё там же, в нагрудном кармане.

И второй предмет тоже никуда не делся, не выпал, не сломался.

Страх, пережитый тогда, на дороге, Старик победил, но так и не сумел забыть до конца. Вспомнил тот миг, за ним явилась другая картинка: Доктор возле стола в беспощадном свете ламп, синие брюки, синий халат, шапочка того же цвета, словно небо над весенней степью.

Старик вздохнул, показалось, что по другую сторону ковра стоит жена.

Как же, вот она: голова в платке, родное лицо, ярко-жёлтое платье, всё живое, дышащее... сейчас шагнёт к нему, обнимет и прижмётся, и всё окажется сном, жутким, затянувшимся...

Он моргнул, и видение рассеялось: только блики, блики на голой земле, на той самой, из которой мы все вышли и куда мы все так или иначе вернёмся.

– А ты слышал, что Деревья могут ходить? – спросили сбоку ломким молодым шёпотом.

– Брехня, – ответил другой шёпот, постарше. – Как ты себе это представляешь?

– Ну Сашка рассказывал...

– Заливает твой Сашка! – отрезал второй. – Корни выкапывают и шагают, что ли?

– Кто их знает? – обладатель молодого шёпота сдаваться

не собирался. – Помнишь... Мы же вместе видели? В прицел, как те... пытались Дерево у монастыря повалить? Сначала топор, потом танк, а затем взрывчаткой?

Старик прикрыл глаза.

Да, он мог себе представить: топор отскакивает, выворачиваясь из ладоней незадачливого вояки, танк просто отбрасывает в сторону, точно он пытается своротить скалу, взрыв заставляет высоченное растение вздрогнуть, но не повреждает корни, не ломает ствола, и земля засыпает воронку почти мгновенно, словно вода устремляется в сливное отверстие.

Земля Донбасса, откуда мы вышли... куда мы вернёмся...

Старик кашлянул и неожиданно понял, что проклятая хворь не терзает его уже несколько часов. Словно окопавшийся в груди зверь, посланец смерти испугался и отступил, затаился, оказавшись среди живых, сильных, молодых людей.

– ...а ненавидеть их не надо, – продолжал второй шёпот, постарше. – Никогда. Ненависть – оружие слабых.

– Ну что, отдохнули? – Ополченец шевельнулся рядом, и Старик ощутил запах крепкого мужского пота.

– Да, – сказал он.

– Тогда надо выходить. Пока темно... успеем добраться, а мы потом вернёмся. – Ополченец поднялся.

Старик поспешил сделать то же самое, забыв, что ему давно даже не пятьдесят. Напомнили о себе колени, заныла спи-

на, и сердце забилося одышливо и нервно, словно растерялось.

– Сколько идти? – спросил он.

Он был уверен, что по родным местам одолеет и десять, и пятнадцать километров.

– Часа полтора, если без сюрпризов, – Ополченец повесил на плечо автомат. – Парни, выдвигаемся.

Два чёрных силуэта – те самые, что разговаривали, – поднялись одновременно.

Через пять минут они шагали прочь от костра, от места, полного человеческой жизни, прямо в ночь, туда, где тоже была жизнь, но другая, ускользящая, странная, бесцветная: шелест сухой травы под ногами, шуршание в зарослях, раскоряченные остовы домов, похожие на останки чудовищ, неподвижные, но опасные, запахи гари и прели. Ополченец мягко скользил впереди, ещё двое оставались сзади, Старик плелся в центре, молясь об одном – чтобы не начался кашель.

Где-то рядом те, кого не стоит ненавидеть, но и о ком нельзя забывать.

Перешли вброд речушку, на фоне звёздного неба промелькнул крест церкви, и Старик понял, где они: до места, где стоял дом родителей, километра три по прямой... надо же, ему суждено умереть там же, где он ненастной осенней ночью появился на свет.

– Стоп... – даже не прошептал, а выдохнул Ополченец.

Он пригнулся, и Старика оглушил грохот.

Падая, он успел понять, что это очередь, что стреляют прямо по ним, и рядом свистят пули... Лицом ударился в сырое и холодное, неприятно хрустнуло ребро, захрипело в груди... Пополз в сторону, но тут же замер, повинувшись не страху даже, инстинкту, вопившему громче пожарной сирены.

Вернулась тишина осенней ночи, мягко вздохнул ветер, тронул волосы на затылке.

Старик лежал, слушая, пытаясь сообразить, что произошло с его спутниками. Дышать почти не дышал, знал – если пустить воздух в грудь, то начнёшь кашлять так, что услышат за километр.

Осторожно протянул руку, наткнулся на твёрдое, угловатое: каблук, подмётка, ботинок. Подёргал чуть-чуть, но нога Ополченца не отозвалась на прикосновение, она болталась вяло, безжизненно.

Кашель всё же прорвался наружу, но Старик вжался лицом в землю, и весь звук пошёл в неё: отрывистый, глухой, мёртвый, какой вряд ли в силах издать человек. Вытерев с лица ледяной пот, он осторожно пополз вперёд, а когда убедился, что Ополченец не дышит, то назад.

Через десять минут он понял, что остался в одиночестве.

Пришедшие из мрака стальные холодные пули, непонятно кем выпущенные, забрали три молодые жизни.

Старик знал, где он, помнил, что немного восточнее есть балка, по ней можно пройти довольно далеко, там повернуть

на юг и к утру оказаться в безопасности, среди своих... Вот только что он там будет делать, зачем жить... зачем вообще жить, если ты знаешь, что сделал в этом мире всё, и тебя ждёт только смерть?

И если он вернётся, то Ополченец и ещё двое парней погибли зря.

Перед глазами встало лицо с рыжеватой бородкой, широкие плечи, обтянутые зелёным камуфляжем, автомат в крепких руках, уверенный взгляд человека, знающего, для чего он здесь.

Нет, такое возвращение будет предательством.

Старик вздохнул и осторожно сел, колени захрустели, точно целый ворох сухих веток. Но тьма не плюнула огнём, не пришла из неё убийственная сталь, лишь чавкнула под ногой грязь.

Он сделал шаг, второй, третий... не взять ли оружие? Хотя зачем, он не солдат... Четвёртый – на северо-запад, туда, где находится точка на карте, отмеченная ярко-алым, как кровь, как закат, как жизнь, фломастером.

* * *

Рассвет струился между деревьями будто туман, стволы выступали из сумрака и ныряли обратно. Небо медленно светлело, и Старик шёл под этим небом, укрывавшим его более шестидесяти лет, смотрел на тучки, и старался не обра-

щать внимания на боль в ногах, в спине, на то, что сил почти не осталось, и дыхания тоже, и горло сводит от жажды.

На ветке чирикнула пичуга, рядом с ней образовалась вторая, мелкая, черноглазая. Шарахнулся в кусты заяц, поскакал, задирая филейную часть, и растворился в бурых зарослях.

Старик криво ухмыльнулся, и тут же боль ударила в бедро, бросила в сторону.

Он вскрикнул и упал, и только потом до ушей докатился хлопок выстрела: одиночный, негромкий, и это значит – снайпер, и он видел, в кого стреляет и куда стреляет, и убивать сразу не стал, решил поиграть с жертвой, точно сытый кот с мышкой.

На миг Старик отрубился.

Нога болела, мокрая теплота в штанине извещала, что кровь из раны течёт, но он был жив. Чувствовал запах сырой земли и свежей травы, непонятно откуда взявшийся посреди осени, слышал птичьи крики, видел деревья и небо, пока ещё бесцветные, но с каждым мгновением наливавшиеся краской.

И он знал, куда ему надо попасть.

Над обычными берёзками и осинами поднимались три Деревя, огромные, как секвойи...

– Врёшь, сука, не возьмёшь, – прошептал Старик.

Сумел отодвинуться под защиту кустов, там перевязал рану рукавом от рубашки. Попытался определить, где может

быть снайпер... но сразу же плюнул на это дело, тут нужен глаз молодой, наметанный, не такой, как у него.

Затем снова отключился, то ли заснул на несколько минут, то ли потерял сознание, поскольку увидел Ополченца: тот стоял рядом, руки на автомате поперёк груди, лицо хмурое, на зелёной одежде капельки росы блестели как драгоценные камни.

– Я не отступлюсь... я не вернусь... нет, я вернусь куда надо... – забормотал Старик, не очень понимая, что говорит.

В следующий момент он уже полз, хватаясь руками за землю, подтягивая неловкое, уставшее тело. Ногой мог пользоваться только одной и двигался медленно, точно искалеченный уж.

Но двигался.

Над головой взвизгнуло, хлопок... снайпер то ли промазал, то ли играетя...

Старик вжался в землю, накатил очередной приступ кашля, сотряс всё тело. Оставил после себя боль в груди и сладостную мысль о том, что скоро всё так или иначе закончится.

Главное – чтобы закончилось не так, как хочет снайпер.

Только та земля, в которой Старик копался много десятилетий, с которой сроднился так, что знал её на вкус, могла спасти его сейчас, укрыть своими складками, защитить от безжалостной стали...

Поднял голову, и показалось, что впереди, на склоне хол-

ма стоит Доктор: яростная синева посреди утренней серости, раскинутые в стороны руки, блеск очков на розовом лице. В следующий момент понял, что показалось, кусочек неба проглянул в непонятно откуда взявшемся тумане.

Издалека донеслись голоса, и этот звук заставил Старика вздрогнуть: ладно снайпер, он может стрелять издалека, но и только, а вот если попадёшь в руки его скучающих приятелей, то быстро пожалеешь, что вообще родился на свет...

Он пополз дальше, стараясь двигаться как можно быстрее.

Снайпер выстрелил в третий раз, но куда-то в сторону, и Старик понял, что милосердный туман с холма, на котором стояли Деревья, надвинулся и скрыл всё вокруг, спрятал и его тоже... Неужели это сделали громадные растения, неужели они не просто сами являются чудом, а могут творить чудеса?

Болтали разное... что Деревья насылают кошмарные сны на незваных гостей, что могут ходить и даже летать... корни оплетают танки и БТР, разрывают их на части так, что остаются только клочья ржавого металла, даже рушат блиндажи... Старик никогда в это не верил, считал глупыми побасёнками, рождёнными страхом и жадой невиданного.

Но теперь, в шаге от собственной смерти, он был готов поверить во что угодно.

Он рискнул подняться и заковылял вверх, туда, где над туманом возвышались три свечки Деревьев. Солнце, судя по всему, где-то выглянуло из-за края земли, вершины словно

вспыхнули бездымным огнём.

Севернее крайнего дерева, примерно в пятидесяти метрах от него – нужное место.

Если Старик туда не доберётся, то всё напрасно.

Туман рассеялся, когда он добрался до вершины холма, и тут же далеко за спиной заорали. Старик упал, не дожидаясь выстрелов, и пули с разочарованным свистом разорвали воздух над его головой.

Да, он знал эти места... здесь началась его жизнь.

Тогда тут не росли Деревья, но и нужды в них не было...

Скатился по склону и снова поднялся на дрожащие ноги, ведь теперь его не увидят. Бедро словно опалило, но он устоял, не упал и двинулся дальше, дальше, туда, где в крохотной ложбинке видел яркое жёлтое пятно.

Из-за слёз и пота, заливавших глаза, из-за старых глаз он не различал деталей.

Но знал, что это она, что он возвращается... и вернётся.

На колени Старик упал точно там, где надо, и дрожащей рукой полез в карман. Донеслись новые крики, на этот раз ближе, но он не повернул головы: поздно, слишком поздно, они теперь даже стрелять не станут, а если и станут, то это ничего не изменит.

Карта с хрустом упала на землю, но крохотный шприц он удержал.

– Вот и всё, – сказал Старик, поднимая глаза, чтобы посмотреть в лицо жене.

Она улыбнулась и исчезла.

Дрожащими пальцами скovyрнул колпачок, игла вошла в бедро рядом с дырой от пули. Мягко качнулся вперёд поршень, и алая, точно кровь, жидкость задвигалась, в ней проявились золотые искры.

Рука онемела, боль оказалась такой сильной, что он её не ощутил, а понял.

Старик выпустил шприц, другой рукой ухитрился вытереть лицо и вскинул голову: перед ним восходило огромное, яркое, молодое солнце, где-то сбоку в радостном свечении корчились жалкие чёрные фигурки, мало похожие на человеческие, они вроде бы даже приближались, но он не обращал на них внимания, поскольку двигался одновременно вверх и вниз, уходил из жизни и возвращался к ней, умирал и рождался.

Он дошёл, он успел.

И через несколько часов на этом холме будет не три, а четыре Деревя.

Иван Наумов

Эстет

I

– Человеческая индивидуальность сильно переоценена, – сказал Менделеев. – Каждый мнит себя центром мира, а на деле – что? Набор типовых функций, простейших желаний, просчитывается на раз-два. – Так уж и просчитывается, – усомнился Бур.

Мерзкий нарастающий свист заставил их вжаться в грунт, прильнуть к заиндеветшей стенке траншеи. Дождались взрыва – далеко, метрах в трёхстах – и возобновили неспешную беседу.

– Это раньше казалось, что человек – колодец без дна, – взялся разъяснять Менделеев, питерский студент-недоучка, знаток технологий и тенденций. – А начали из колодца черпать – вода как вода, у всех одинаковая. Вот ты, Эстет, в интернете со страницы на страницу переходишь, что-то пролистываешь, а где-то зависаешь, зачитываешься, лайки ставишь, крутишь текст туда-сюда. Получается как тест – по твоей суете о тебе много чего узнать можно. Характер, привычки, склонности – всё под микроскоп. И при ближайшем

рассмотрении выясняется, что тебе подобных – мильон. Мы как собаки Павлова: лампочка зажглась – желудочный сок пошёл. Только лампочек побольше, а так – один в один. Люди мыслят, решают, действуют по схожим траекториям, по проторённым тропинкам. Всё поддаётся предсказанию, а точнее, моделированию.

– Досуха не вычерпаешь, – пожал плечами Бур. – Что-то всегда на дне.

Снова раздался скрежет. Били с запада, из-за Марьяновки, восемьдесят вторыми. Мины царапали воздух и вскапывали «передок». Методично, одна за одной – видно, на той стороне сегодня решили не лениться и поутюжить от души.

Менделеев надвинул каску на брови, скуксился, скукожился, стараясь занять как можно меньше места в недружелюбном мире, отчего стал похожим на эмбрион-переросток.

Бур – Буров Николай Николаевич, семьдесят девятого, высшее техническое, холост, детей нет, судимости – прощёрк, формально лейтенант запаса, а фактически человек сугубо гражданский, – просто прижался спиной к мёрзлой глине и прикрыл глаза.

В жизни «до» все были кем-то, в окопе никто не родился. Война-невойна перевалила через очередное новогодье. Линия фронта, стыдливо названная «линией соприкосновения», давно застыла в неподвижности. Разделив тех, кто пошёл за светляками, и тех, кто отказался наотрез.

Траншеи, блиндажи, огневые точки въелись в кожу зем-

ли как татуировка. Под разговоры о мирном урегулировании обе стороны прощупывали друг друга, не рискуя пойти в прорыв, и вращались, вращались в почву.

В повторяющуюся тональность взрывов вплёлся плач разбитого стекла и звонкий цокот лопнувшего шифера – шальная мина перелётом добралась до Шатова. Хоть бы никого не зацепило, вяло подумал Бур.

От Шатова уходила дорога на Горняков и Ольховатую, а там рукой подать и до Города... Города, на защиту которого встали и его жители, и свободные люди из далёких краёв. В Шатове топились печки, имелась вода и электричество – в нескольких ещё не брошенных домах.

Внезапно стало тихо. Бур сквозь амбразуру в засыпанных песком автомобильных покрывках осторожно выглянул из-за бруствера. Снегом нынешняя зима не баловала, унылая безлесая равнина перетекала с одного покатого холма на другой контрастным чёрно-белым одеялом. Километрах в полутора придорожная гребёнка тополей упиралась в Марьяновку. Над тёмными крышами курились дымки. Правее у горизонта угадывалось ещё одно село, Тяжное, – там с осени обосновалась неприятельская артиллерийская батарея.

Бур много раз пытался представить, что движет противником. Не укладывалось в голове, что нарочито добрые, до оскомины правильные проповеди светляков могут заставить обычных пацанов взять в руки оружие и пойти убивать.

Буклеты и листовки с той стороны пару раз попадали Буру

в руки. Недешёвый продукт: мелованная бумага, качественная печать, видна рука хорошего дизайнера. И по смыслу всё гладко, позитивно, дружелюбно. Аж зубы сводит. Мы, мол, за всё хорошее, а кто не с нами... тот ошибается и скоро обязательно убедится, как был неправ...

И подобный примитив влиял-таки на чьи-то умы. Первой под катком инфантильных лозунгов пала центральная власть. Не лучшая, но уж точно и не худшая из того, что видано в мире. Зашаталась как дуб со сгнившими корнями, да и рухнула в одночасье, придавив нерасторопных.

Давние события, запустившие отсчёт всему последовавшему, казались фарсом, водевилем, небывальщиной. В те дни, возвращаясь с работы в съёмную жулебинскую однушку, Бур прилипал к телевизору. Пытался в коротких репортажах выцепить, разглядеть, что ещё за светляки объявились в соседней стране, и почему с их появлением там всё пошло наперекосяк. Он рыскал в интернете, шерстил соцсети, перечитывал свидетельства участников событий, их знакомых и «друзей друзей». На фотографиях митингующей перед президентским дворцом толпы изредка попадали в кадр высокие бледнолицые фигуры, всегда с краю, вдалеке, не в фокусе. А в рассказах очевидцев раз за разом встречались упоминания то «лучезарного человека, не испугавшегося тоталитарной репрессивной машины», то «раздававшего чай и печенье волонтера, от которого исходило чистое сияние», то «оратора, наполненного внутренним светом».

Бур считал, что нечаянные и как бы вскользь упоминания света заметил он один, пока через несколько дней о «светляках» не заговорили комментаторы и аналитики. В хаосе переворота сложно было выделить хоть сколько-то достоверную информацию. Вскоре «светлые лица революционеров» превратились в журналистское клише, расхожую фразу, произносимую всерьёз по ту сторону границы и с изрядным скепсисом – по эту.

К власти полезли привычные сытые рожи, просто из новой пачки. Ни чистого сияния, ни лучезарности в них не наблюдалось. Смотреть соседские новости стало противно, и Бур почти отключился от всей этой катавасии, когда восстал Город. Вышвырнул эмиссаров центра, взял в свои руки силовые структуры и произнёс веское «Нет!» творящемуся перевороту, всем сытым рожам и светлым лицам.

А когда к мятежному Городу подтянулись войска, включать телевизор стало решительно невозможно. Бур оплатил счета за воду и электроэнергию, позвонил хозяйке и оставил ключи под дверным ковриком...

Затишье оказалось недолгим – проснулась батарея в Тяжном. Бур и Менделеев перебежками добрались до блиндажа. В узкой землянке пережидал обстрел почти весь взвод. На лицах – общее выражение: пускай это уже закончится.

От прилётов стадвадцатимиллиметровых на столе подпрыгивали кружки. Бур достал из-за пазухи мобильник, согрел в ладонях, включил. Зарядка замигала последней па-

лочкой. Связь долго не подцеплялась.

– Душман? – наконец крикнул Бур в микрофон. – Это Эстет, Шатово. Пригаси Тяжное, а, будь другом? Им будто боезапас пополнили, нездоровая активность. За мной не заржавеет! Спасибо, дорогой!

Телефон сдох, выполнив поставленную задачу.

– А у меня в Тяжном мама, – мрачно сказал Вовчик, курносый парнишка из агротехникума, недавно вступивший в ополчение. – Крайний дом, калитка с конями. Говорит, не наше дело, не суйся, нос не дорос. Уходил – даже попрощаться не вышла. Так чьё же дело, если не наше?

Где-то над их головами к Тяжному с тяжёлым воем устремились реактивные снаряды.

II

Во время ротации успевали только самое неотложное. В посёлке Горняков Бур и Менделеев закупились растворимой лапшой и супами. В Ольховатой сторговали на рынке три мешка картошки.

Пробежка по окрестным лавкам принесла трофеи: бинты, зелёнку, мешки для мусора – их наполняли грунтом и складывали в защитные стенки пулемётных гнёзд, – торфяные брикеты, мыло, сканворды, батарейки к фонарикам...

Дотащились с добычей до остановки. Менделеев быстро выведал у местных, что автобуса ждать не стоит: его латали

в соседнем гараже, посекло осколками пару дней назад. Бур не переставал удивляться, как меняются люди перед лицом постоянной опасности. Вот ты ходишь на работу, гуляешь с ребёнком, навещаешь родителей, а в любой момент может что-то упасть с неба и убить тебя. Или, не дай бог, кого-то из близких. Казалось бы, этот риск должен вдавливать тебя в землю, лишать воли, а на деле получалось наоборот. Приняв неизбежное за данность, люди словно распрямляли плечи и жили вдвое, от души, наотмашь и нараспашку, ценили время и друг друга. Таких людей стоило защищать. Бур знал, что сейчас находится на своём месте.

Удалось поймать попутку до Шатова. Удача – ездить в ту сторону требовалось немногим. Бур загрузил Менделеева в машину, по привычке запомнил номер.

День уже клонился к вечеру, надо было поспешать. Бур метнулся через село на батарею, за заросший льдом ручей. Душман в снятом с колёс пазике дремал на заднем сиденье, завернувшись в спальный мешок. За мутными стёклами дыбились защитные тенты, под ними проступали очертания стволов и турелей.

Душман приоткрыл один глаз, когда Бур поставил ему под нос бутылку самогона и банку тушёнки.

– Или тебе свинину нельзя? – уточнил Бур. – Спасибо от наших... от всех.

– Целы? – спросил Душман. – Зачем нельзя, слушай? Я вообще армянин, не мусульманин, сколько вам объяснять!

– А с чего Душман тогда? – удивился Бур. – Душманы же в Афгане?

– А отсюда что до Афгана, что до Еревана. Мало ли какой кому позывной прилепили! Вот ты – почему Эстет?

– Ворон придумал, – пожал плечами Бур.

А на душе стало сразу и светло, и горько. Он разом вспомнил, как снялся с места, разом изменив свою жизнь, как поехал в Город. Поехал – и приехал. Минуя блокпосты, тропами для местных – через эфемерную границу. Уже в Городе нарвался на патруль – банально не повезло, силы правопорядка тогда формировались едва-едва. Загрел в холодную, за железную дверь, в никчёмный закуток разбомблённой котельной, метр на пять без окна и света, проворочался ночь на драном матрасе. Поутру предстал перед матёрым решительным мужиком, наделённым нежданной властью. Доложил, кто таков, ничего особо не тая.

– Шпак, значит. И чего тебя сюда принесло? В детстве в войнушку не наигрался? – раздосадованно спросил Ворон – тогда ещё не контуженный, не раненный трижды, не потерявший ступню, не взорванный в лифте вместе с дочерью и охранником.

– Из эстетических соображений, – огрызнулся Бур.

– Эстет, значит... Ну давай, Эстет, дерзай!

Новая кличка приросла намертво. Ворон определил Бура в «школу молодого бойца», выдал кое-какие подъёмные и уже много позже при случайных пересечениях на «передке»

узнавал его среди прочих ополченцев, выделял взглядом в строю...

– Хороший начальник был Ворон, – подтвердил Душман.

Свесил ноги в проход, сел. Покосился на пояс Бура, ткнул пальцем:

– А браслеты зачем? Подари!

На кожаном солдатском ремне Бура блестели нержавеющей новенькие растёгнутые наручники. Заметная вещь. Душман прямо обласкал их взглядом.

– Наши все целы, – сказал Бур. – Спасибо ещё раз. А браслеты не подарю. Они без ключей.

– Зачем тебе, а?

– Придётся кого в плен брать – вот и пригодятся.

– Оптимист! – заулыбался Душман. – Не придётся. Подари!

– Не отдам, говорю! Знакомый мент из Калуги подогнал. Дарёное не передаривают.

Душман обиделся, насупился:

– Ну и зачем дарить, а? Можешь так отдать. В общем, в другой раз что понадобится... – со значением показал пальцем на наручники. – Понял, да, Эстет?

– Будь здоров, – сказал Бур.

Когда он вернулся в Ольховатую, загорелись первые фонари. Опять повезло: у рынка стояла маршрутка, прогретая и уютная. На сегодня оставалось последнее. Бур позвонил Ветке. Она как будто даже обрадовалась, что приедет имен-

но он. Мило, хотя и не похоже на правду.

Волонтёры, замечательные и самоотверженные девчонки, собирали в Городе всё нужное «для фронта» – не для линии же соприкосновения! – и к сегодняшнему вечеру для шатовской роты укомплектовалась очередная посылка.

Едва маршрутка тронулась, Бур прижался к стеклу, подложив под щёку форменную ушанку, и соскользнул в дрему. Каким-то внутренним гироскопом он отмечал повороты, лбом ловил порывы ледяного сквозняка, когда входили и выходили невидимые пассажиры. Фары со встречи водили яркими кистями по сомкнутым векам.

Кто же такие светляки, думал Бур во сне. Или думал, что думает. Или ему снился Бур, думающий о светляках. Кто они, зачем они, почему именно в той несчастной стране, от которой обособился Город?

Отчего как будто мы одни чувствуем фальшь, неестественность, нарочитость всего, что они пытаются нам подсунуть? Или – кольнула мысль – наши глаза закрыты, потому мы и не в состоянии разглядеть их света?

Бур не был склонен к рефлексиям. Фамилия и порождённая ей дворовая кличка заставляли его ещё в детстве идти буром, напролом, не считаться с последствиями, гнуть свою линию. Даже читая «Похитителей бриллиантов», он болел не за главного героя, хитроумного англичанина, а за хмурых бородатых голландских поселенцев – буров. Их упёртость казалась эталоном мужества, ведь заранее становилось понят-

но, кому побеждать, а кому умирать по законам жанра.

Встреча с Веткой получилась скомканной, чересчур мимолётной. Когда Бур, разминая одеревеневшие ноги, вышел на тротуар автовокзала, девушка уже спешила к нему сквозь толпу.

– Здравствуйте, товарищ Эстет! – радостно приветствовала его Ветка.

Совсем девчушка, двадцать максимум, светловолосая, растрёпанная, жаркая, лучащаяся. Вот кто светится, подумал Бур. А не какие-то там...

Ветка сунула ему в руку потрёпанный пакет и затараторила, не заботясь, в состоянии ли товарищ Эстет зафиксировать такой поток информации... Пришёл инсулин для диабетика из взвода связи, и против гриппа в этот раз пакетиков триста получилось собрать, только их не чаще раза в день, и – не разобрать названия лекарства в вокзальном шуме – обязательно хранить в тепле, уж вы не забудьте вашему медбрату об этом напомнить, и перчатки специальные от ревматизма положили, их вроде никто не заказывал, но может же у кого-то быть ревматизм?

Выпала всё одним залпом, а потом вдруг встала на цыпочки, мягкими губами чмокнула его в щетину:

– Спасибо вам, товарищ Эстет! – и растворилась в морозном воздухе.

А Бур остался стоять среди спешащих во все стороны горожан – с пакетом в руках и тающим оттиском Веткиных губ

на скуле.

Был час пик, самый всплеск, Город казался мирным, суетливым, деловым, почти как Москва, если не держать в уме, что всего через четыре часа его скуёт, как льдом, комендантским часом. И тогда только снегоуборочные машины и редкие военные патрули будут создавать на улицах видимость жизни.

Обратно в Шатово он намеревался добраться «ведомственным» автобусом от комендатуры, времени ещё хватало. Бур с удовольствием, без спешки, нога за ногу, брёл по зимним чёрно-белым бульварам, радовался ещё не убранной новогодней иллюминации, разглядывал людей, и люди поглядывали на него, на его форму. В их взглядах читалось спокойное одобрение. Своим появлением Бур вселял в них уверенность, что Город под защитой. Хотя от прилетающих на окраины снарядов никого защитить не получалось.

Из дверей кафе выплеснулась на улицу весёлая компания, а шлейфом за ней – несколько вкусных гитарных рифов. Бур взглянул на часы, убедился, что в графике, и пошёл на звуки музыки. В лофтовом кирпичном полуподвале азартно играла подростковая рок-группа. Что-то незнакомое и любопытное, мягкое и резкое одновременно.

Свободных столиков не оказалось ни единого. Старшеклассники и студенты оглядывались на Бура с уважением, но пригласить на свободный стул никто не спешил. Он сел на высокий табурет у барной стойки, попросил чаю.

– Чёрный? Зелёный? – уточнил бармен. – Есть улун, да хун пао, лун цинь, серебряные типсы, шэнь пуэр замечательный! Ну и с добавками – чабрец, жасмин...

Фантасмагория, подумал Бур. В нескольких километрах отсюда рвутся снаряды, стреляют снайперы, лежат разрушенные деревни, бойцы спят в землянках. А Город сражается по-своему – иллюминацией, чистыми улицами, живой музыкой, десятью сортами чая в первом попавшемся подвале... Бур прислушался к себе и убедился, что ему нравится поведение Города. Как Эстет, он прекрасно понимал: главная война – не в поле. Если Город впадёт в отчаяние, никаких линий не удержать.

III

В доисторическом «Икарусе» министерства обороны гомонили новобранцы, перебрасывались шутками бойцы с разных участков. Защитники Города возвращались на позиции.

– В Шатово не повезу, – предупредил водитель, – запретили, дорога опять обстреливается. У развилки за Горняками высажу, оттуда дочапаешь.

Из глубины салона Бура окликнул знакомый голос. На заднем колесе устроился Трубач – худой как щепка пожилой снайпер, раньше приписанный к шатовской роте, а с осени переведённый в подчинение командования бригады. Гово-

рили, что во время переворота у него в столице погибла то ли дочь, то ли жена. Говорили, что у него на прикладе не осталось места для зарубок. Много чего говорили. На самом деле, конечно, никто не знал ничего – замкнутый в себе Трубач обитал особняком и на постое в случайном жилье, и даже в тесной блиндажно-траншейной жизни.

А тут – сам позвал Бура, похлопал по свободному соседнему сиденью.

– Как там? – спросил сразу про всё.

Бур втиснулся в кресло, пожал сухую горячую ладонь – словно за лапку жар-птицы подержался.

– Без подвижек.

– И то ладно.

На том разговор и иссяк. Автобус вывернул на пригородную трассу. Трубач отвернулся в темноту, где сизой мишурой повалил снег. Бур поправил пакет под ногами. Впереди молодняк взорвался смехом. Бур упёрся коленкой в спинку сиденья и прикрыл глаза.

– Беда идёт, – без выражения сказал Трубач.

У Бура ёкнуло в груди.

– Что, опять? – усмехнулся, приглашая высказаться.

Снайпер повернулся к Буру, нагнулся ближе, дыхнул чесноком, усталостью, старостью. Заговорил жарким яростным шёпотом:

– Думал, хоть бы одного достать. Думал, положу его, и легче станет. Мечтал – если о таком вообще мечтать можно. Но

они же, сволочи, сами никогда не суются на передок. Понимаешь, Эстет? Чужими руками всё, чужим мясом.

– Ты о ком вообще, Трубач?

– Да про них же! Про светляков! Я уж и надеяться перестал. А вчера...

Трубач странно замолчал, словно ему вдруг не хватило дыхания.

– С ночи на лёжке, затёк весь, окоченел, зато точка хорошая, уходить жалко. Марьяновка целиком на ладони, от околицы до околицы. Жду. И тут – глазам не верю! Он! Светляк! Выходит из хатки во двор, спокойный такой, как хозяин, неторопливый, в полный рост, спина прямая. Встал на крыльце, к нему народ подтягивается. И бойцы, и местные, деревенские. Слушают его, что ли. А он на крыльце как на трибуне – и так здоровый, а тут ещё ступеньки три-четыре. Я его от пояса до макушки крестиком щупаю, примериваюсь, давно стрелять пора, а я всё еложу. И тут он голову поворачивает и смотрит. Прямо на меня, понимаешь, Эстет?! Уставился, гнида, и улыбается.

Бур разлепил веки, искоса глянул на Трубача. В темноте было непонятно, смотрит снайпер на него или куда-то мимо.

– Не выстрелил?

Силуэт Трубача помотал головой:

– И это беда. Если я сплеховал, что же с другими нашими будет? Понимаешь, я не то что «не смог» – я расхотел! Передумал, получается.

– А ничего не будет, – сказал Бур. – Они там, мы тут. Меньше нервничай, больше отдыхай.

– Не понимаешь, – горько подытожил Трубач и отодвинулся, нахохлился. – Передают как котят, вот что будет.

Каких котят, кто передавит – не объяснил. И не попрощался, когда Бур вышел в снежную темноту на богом забытом перекрёстке.

Дорогу постепенно заметало, ледяные иглы кусали за щёки. Зато можно было не думать, смотрит кто-то на тебя в оптику или нет – видимость упала метров до ста.

Через четверть часа в ночи забрезжили огоньки Шатова, раздался окрик часового. Хорошо, подумал Бур, вернуться к своим. Ещё и в тепло, а не в стылую траншею, так вообще праздник.

Его бойцы во время ротации размещались «на сугрев» у бабы Крысы, глубоко пенсионного возраста сельской учительницы Кристины Борисовны, с переворота не выдавшей ни школы, ни учеников. Дверь не запиралась. В прихожей пахло гречкой и тушёнкой. Бур внезапно понял, что, кроме какого-то из десяти городских чаёв, в желудке давно ничего не было.

– А, Коля, – баба Крыся принципиально игнорировала позывные, – руки мой и ужинать. Стынет всё.

– Привет, командир, – сказал Менделеев. – В расположении части ажур и абажур.

За круглым столом поместился весь взвод Эстета. Бур за-

нял последнюю свободную табуретку. Вовчик где-то добыл рулон строительного утеплителя, и теперь разгорался спор, станет от стекловаты в блиндажах теплее или грязнее. Баба Крыся поставила на центр стола алюминиевую кастрюлю, Менделеев встал на раздачу. С печки спрыгнула кошка Картошка – своенравное существо пятнистого буро-чёрно-рыжего окраса, невзначай потёрлась о штанину Бура и запрыгнула ему за спину на подоконник.

Как котят, вспомнил Бур слова Трубача. И представил себе, как светляк улыбается, глядя в перекрестие прицела.

IV

Началось перед рассветом. Благодаря метели противнику удалось подобраться вплотную к дозору шатовской роты. Работали ножами, без шума, и прямая дорога к спящему селу открылась бы для атакующих, если бы не Вовчик. В три часа он заступил на дальний северо-западный пост с двумя «старослужащими» шахтёрами, опытными, повоевавшими сполна с самых первых дней. Но получилось так, что ветераны погибли сразу, а хлипкий Вовчик умудрился увернуться от удара диверсанта и сдёрнуть с пояса гранату.

В самый разгар боя Бур оторвался от своих. В одиночку прорвавшись на пост, застал Вовчика ещё живым среди разбросанных тел. Подобрался вплотную, осмотрел раны. Даже без медицинского образования всё было понятно.

– Эстет, – просипел Вовчик еле шевелящимися губами, – маме. Маме скажи...

И умер.

Бур давно пригасил в себе внутренний фитилёк, отвечавший за эмоции. Научился не чувствовать, не обмысливать, не истязать себя бесцельными «а если бы». Иначе от всего, с чем приходилось сталкиваться на этой войне, давно разорвался бы мозг и остановилось сердце.

Бур не слишком любил людей – как, впрочем, и самого себя. Но ему казалось важным, чтобы у каждого был шанс проявить себя, добиться чего-то стоящего, выбрать цель и попытаться до неё дотянуться. В долгих окопных разговорах с Менделеевым они часто упирались в эту тему – что есть свобода воли? Как ей распорядиться? Может ли воля попасть в неволю, а свобода оказаться умело сконструированной ловушкой, красивой обманкой, изошрённой фикцией?

Где-то в ответах, а может, и в самих вопросах крылось объяснение происходящему, причины гражданской войны, разгоревшейся из подожжённых шин и листовок с красивыми и бессмысленными словами.

Дозорный пост оказался отрезан от основных позиций. Заброшенный коровник на полпути между Буром и траншеями у Шатова перешёл под контроль противника. Откуда-то из-под стрех били злыми короткими очередями два станковых пулемёта. Выстрелы посверкивали по всему полю – бой рассыпался на отдельные стычки, персональные дуэли. Ата-

ка увязла, и вскоре проснулись миномёты и артиллерия с обеих сторон. Деться с поста было некуда, разве что за нейтральную полосу на чужую территорию. Обидно, если вот так, подумал Бур за секунду до того, как прилетело.

А потом он парил над землёй, раскинув руки-крылья, упираясь ими в податливый пружинящий воздух. Вскопанная воронками, исчёрканная траншеями равнина плыла под ним, расстилалась во все стороны, бугрилась холмами у горизонта. Столько всего происходило в этой неброской бескрайности, такие силы пытались взять её под контроль... Ориентироваться на местности и выбирать, на какой ты стороне, было совсем просто – достаточно вспомнить, куда и чьи шли танки в сорок первом, а куда и чьи – в сорок третьем. Исторический компас – понадёжней, чем стрелка, указывающая на магнитный полюс планеты, абстрактную точку среди вечных льдов.

Посерело, посветлело, утихла метель, туманное утро сменилось пасмурным днём. На земле стихло. Развеялись лоскуты порохового дыма. Кто сражался, с кем сражался, с каким результатом – не понять с высоты. То, что ощущало себя Буром, медленно, пологими глиссадами снижалось от облаков к перепаханной земле, запачканному снегу, скопищу неподвижных тел, из-под которых неуклюже выбралась человеческая фигурка, встала на ноги и побрела через поле. Потом они с фигуркой стали одним, и голова взорвалась болью. Грудная клетка отвечала свистом на каждый вздох.

Смешанные в подобие мази грязь, кровь и пот разъедали глаза. Коленки подгибались, а желудок норовил вывернуться наизнанку.

Едва удерживая равновесие, Бур упрямо шагал к Тяжкому. В его автомате не осталось патронов, в подсумке – запасного рожка. Ему было нечем воевать. Он не знал, удалось ли отбить коровник, или противник продвинулся ещё дальше. Сообщил маме, попросил Вовчик. Сообщил маме. Бур вознамерился пробраться в Тяжное, а потом по темноте заложить дугу в обход Шатова. Может быть, получится выйти к своим.

Он схоронился на околице в покосившемся стожке. Отлёживался, приходя в себя, слушал, смотрел, прикидывал маршрут. Деревня казалась вымершей, но кое-где дрожал воздух над дымоходами, где-то далеко рубили дрова, вяло брехала псина. Собравшись с духом, Бур рванулся к ближайшему двору, к воротам, украшенным вставшими на дыбы коняшками, толкнул калитку.

К дому вела дорожка, выложенная потрескавшейся плиткой. Под навесом чёрными башнями громоздились лысые автомобильные крыши, ржавели велосипедные рамы. Около пустой конуры ковырялись в земле грязные молчаливые курицы. У Бура заныло под ложечкой. Он заставил себя подняться на крыльцо и негромко постучаться в дверь.

Скрипнула щеколда, дверь открылась.

– Здравствуйте, – сказал Бур, едва не выдав по привычке «добрый вечер».

Перед ним стояла дебелая несимпатичная тётка. Может, и ненамного старше самого Бура, но потухшая, безучастная, внутренне записавшая себя в бабки.

– Кто такой? – с подозрением спросила она.

Слова застряли в горле, и Буру пришлось выталкивать их через силу:

– Сын ваш... Вовчик... то есть Володя...

– А что мне... Володя? – недобро спросил тётка, уставившись на Бура бледными выцветшими глазами. – Знать его не хочу. Хоть бы раз о матери подумал, прежде чем лезть куда не просят. Ладно, заходи, раз пришёл.

Повернулась, пошла в комнату, ткнула пальцем в коврик:

– Тапки.

Бур шагнул через порог, замешкался.

– Так убили его, – сказал он. – В бою.

Тётка замерла, не оборачиваясь, лишь наклонила голову вбок. Будто прислушивалась. Потом обернулась и повторила требовательнее:

– Тапки. Мой руки и к столу садись.

Бур не собирался здесь задерживаться, но пришлось послушаться. Он под умывальником отгёр от грязи лицо и руки, прошёл в комнату к столу, сел на краешек табурета.

– На-ка, поешь, – тётка, косясь на автомат, поставила перед Буrom чугунок каши, крынку молока, тарелку с ложкой, щербатую сервизную чашку. – А я сейчас. Самогонки принесу. Помянуть же надо, да?

Её лицо оставалось непроницаемым как маска. Ни слезинки, ни малейшей эмоции. Буру сделалось не по себе. Он кивнул. Придвинул тарелку.

Мать Вовчика вышла в сени. Хлопнула дверь. Каша оказалась чуть тёплой, а молоко подкисшим, на грани. Когда Бур входил в дом, закат уже догорал, а теперь враз наступила ночь. Уличного освещения в Тяжном не было. Снаружи слышалась резкая невнятная речь. Кто-то мазнул лучом фонарика по кружевным занавескам.

– Там он! – раздался голос тётки. – «Калаш» у него.

– Не дури, сепар! – крикнули с улицы. – Просто руки подымай и выходи. Не хватало ещё пальбу устроить. Давай, не тяни!

Бур дёрнулся от окна, на четвереньках прополз в сени, приоткрыл дверь. В темноте двора клацнул затвор. Отхода не было. По-дурацки вышло.

Выбросив автомат вперёд себя на землю, на соломенных ногах Бур спустился с крыльца. Рядом нарисовались сразу трое. Один небожно подтолкнул его прикладом в спину:

– На улицу! Пошёл!

За калиткой собралось с полсотни военных. Чужие нашивки, чужие погоны, чужая форма. Выстроились полукругом. Смотрели на Бура без злобы, но и без жалости. Как и мать Вовчика, пристроившаяся с краю.

Из задних рядов, повелительным жестом заставляя военных расступиться, вышел светляк. Он был на голову выше

любого в толпе. Сначала показалось, что светляк тоже в пешотном комбинезоне, но нет, одежда оказалась совсем другого кроя. В такой хорошо выезжать в лес на благоустроенный пикник, сидя на деревянных лавках, петь песни под гитару, хотя бы.

«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», а можно и «Для маленькой такой компании огромный такой секрет», и «Возьмёмся за руки, друзья», и вокруг все свои, родные, дорогие, и нет больше ни проблем, ни забот, ведь рядом Он, всезнающий, всерешающий, такой близкий, что как раньше можно было существовать без Него – непонятно совершенно, да просто невозможно.

– Как тебя зовут? – спросил Он.

– Бур.

В ответ Он чуть укоризненно, но и шутливо покачал головой. Его сверкающие глаза заглядывали прямо в сердце.

– Зачем все эти позывные, – сказал Он с улыбкой. – Глупые игры для мальчиков. Меня зовут Светлый. А тебя? Ведь есть же у тебя настоящее имя? От рождения? Кто ты? Как тебя зовут?

– Коля, – отвечать было радостно и легко, хотелось поделиться всей своей жизнью, доверить её доброму Светлому. – Коля Буров.

– Откуда ты пришёл сюда, Коля?

– Из-под Шатова, – сказал Коля Буров, – там у нас был разведпост, только убили всех. И Вовчика, а у него здесь ма-

ма, я к ней... Назад не мог пробраться из-за обстрела, пошёл в Тяжное. Очень жалко Вовчика...

Он и не замечал, что Светлый ведёт его куда-то прочь от толпы, приобняв за плечо широкой и твёрдой ладонью, а военные не шелохнутся, лишь провожают их долгими взглядами, в которых нет ни злобы, ни жалости.

– Ты же нарисуешь мне на карте, Коля, как ты шёл?

Коля даже рассмеялся. Он всю жизнь обожал карты, лабиринты, загадки и ребусы, конструкторы, машинки, играть в солдатиков и в футбол, и в пионербол, и в прятки в лесу, что начинался сразу за трансформаторной будкой, и да, конечно, он с удовольствием нарисует всё-всё-всё, что сможет. И Шатово, и склады в посёлке Горняков, и батарею Душмана за Ольховатой, и посты на подходе к Городу. Коля отдал свой телефон, и показал Светлому самые важные номера, чтобы тот мог позвонить Колиным друзьям, и чтобы им тоже стало хорошо.

Он говорил так долго, что иссохли губы, что язык распух и еле ворочался во рту, и стало стыдно от собственного косноязычия, но Светлый подбадривал и направлял Колю, накрывая его тёплыми волнами приязни, понимания, соучастия.

Вдруг резко захотелось спать, аж коленки задрожали, а сердце затрепыхалось воробушкой. Светлый отвёл Колю в длинный тёмный ангар, где рядами стояли кровати как в оздоровительном лагере, а значит, рядом река, и можно будет купаться, лишь бы девчонки не пришли мазать их пас-

той, а то мы им ещё покажем...

Одна кровать как будто специально ждала его, и не было большего счастья, чем прижаться щекой к холодной подушке, зажмуриться и улыбнуться в предвкушении нового прекрасного и интересного дня.

– Спи, Коля! – ласково, как мама, сказал Светлый, и опустилась сладостная темнота.

V

...лишь бы быть рядом, лишь бы делать всё ради Него, вкладывать свою ничтожную песчинку в монумент сияющего будущего, придуманного Им – учителем, вождём, безупречным гением, – лишь бы двигаться вместе, попадаться Ему на глаза, удостаиваться кивка, улыбки, ободряющего слова. Пусть всё будет хорошо, пусть всё будет хорошо...

Густая взвесь восторгов, чаяний, надежд разрывала Колю Бурова изнутри, требовала выплеска, лезла кашей из-под крышки. Он проснулся в ночи среди новых товарищей и соратников, сотрудников и единомышленников, хорошо, как хорошо, мы сила, мы можем повернуть мир к свету, все вместе, во главе с Ним, чтобы хорошо, чтобы ещё лучше, вместе, навсегда. Кто-то надсадно храпел, кто-то сопел, бормотал нечленораздельное, тепло, уютно, какие славные люди! Все вместе, все вместе с Ним, во благо, чтобы хорошо всем, повсюду, пусть, пусть...

Он проснулся снова от того, что кто-то тряс его за плечо:
– Давай, новенький, поднимайся! Переезжаем!

Коля сел, протёр глаза, осмотрелся. Бойцы вокруг него паковали рюкзаки, собирались в дорогу.

– Куда? Куда мы? – спросил Коля, сам удивляясь такому естественному и доброму «мы».

Перед ним на корточках сел широкоскулый мосластый парень с офицерскими звёздочками на погонах.

– Я – Топор, – сказал он, – твой новый командир.

Коля улыбнулся удачной шутке:

– Мой командир – Светлый! Ради Него не пожалею ни себя, ни...

– Да, да, – покачал головой Топор. – Но Его волю ещё надо заслужить. Слушайся меня – твоего взводного, подчиняйся приказам, не спорь, не пытайся переспрашивать у Светлого, и всё будет хорошо. Понятно?

– А если я захочу обнять Его? – со страхом спросил Коля. – Он не оттолкнёт меня? Не осмеёт? Не прогонит? Только Им полнюсь, Его замыслами, ради них готов всё...

Топор сел рядом на краешек койки, успокаивающе похлопал по плечу:

– Никогда не прогонит! Я сам обнимал Его, когда ничего важнее в жизни быть не могло, и вот, свершилось! Он вдохнул в меня силу, дал мне цель, открыл глаза на смысл всего сущего! И с тобой так будет, друг! Вместе построим новый мир – во славу Светлому, на Его идеях. Хорошо будет! Хо-

рошо!

Коля успокоился. Ради прикосновения к Светлому он готов был слушаться кого угодно.

– А переезжаем – в Шатово, – добавил взводный.

«В Шатово» – как хлыстом! Бур дёрнулся, взглянул непонимающе.

– Да взяли твоё Шатово, – снисходительно разъяснил Топор. – Ночью и выдвинулись, пока ты дрых. К утру уже зачистили. Вмазали им так, что любо-дорого. Вся дорога до Горняков наша, по самую развилку.

«Им» – это нам, не сразу понял Бур. Пульс колотился в виске, во рту пересохло. Как же, как же так вышло... Словно ожившая новогодняя игрушка, барахтающаяся в вате, он пытался найти себя, вспомнить, кто он и что, но дальше коротких повторяющихся недовопросов пробраться не получалось – логическая цепочка обрывалась и начинала строиться заново. Кто я? Кто я? Как же так...

Трактор через поле на большом четырёхколёсном прицепе повёз взвод Топора к Шатову прямо через поле, в обход дорог. Бойцы довольно хохмили, подпрыгивая на кочках. Бур механически удерживал уголки рта натянутыми до стандартной улыбки. И с ужасом разглядывал надвигающееся село. Трактор закладывал виражи, объезжая воронки. Траншеи защитников Города были пусты, не считая нескольких мёртвых тел, замерших на глинистом дне.

В Шатове уже кипела жизнь – новые постояльцы делили

жилье, обустроивались.

– А вот и наше хозяйство! – весело объявил Топор, когда трактор остановился у дома бабы Крысы. – Значит так, ба-рахло в сени, пять минут осмотр двора, пять минут осмотр дома, где какой непорядок – устраним сразу. Чтобы к при-езду Светлого всё блестело как...

Запах гречки и тушёнки ещё не выветрился из прихожей. Абажур темным куполом нависал над круглым столом. Дом стоял пустой, выстуженный, и кто-то сразу взялся за растопку. Кто-то загремел вёдрами. Кто-то полез на чердак. А Бур вышел во двор. У дровяника лицом вниз лежала баба Крыса с большим темным пятном на пальто между лопаток. Из-за поленницы выскользнула кошка Картошка и приветливо ткнулась Буру головой в щиколотку.

Как котят, вспомнил Бур, но не смог понять, что это за слова и откуда они выплыли.

Кто-то возник рядом с ним, дёрнул за рукав. Не трогай контуженного, сказал кто-то второй. Эти кто-то подняли ба-бу Крысию и понесли прочь со двора.

В пустом-пустом сознании всплыло: «Бур». Странное имя, которым его давно никто не звал, только он сам. Светлый не велел ему называть себя «Бур». Коля. Так правильно. Мысль опять вильнула, пошла набирать обороты, закружи-лась как заезженная патефонная пластинка: правильно, бу-дет правильно и хорошо, будет хорошо... Не будет, понял Бур, выныривая из липкого водоворота. Бур. Я – Бур. Он

держался за запрещённое имя изо всех сил, чтобы не поддаться нарастающему желанию снова сесть на карусельку и радоваться, радоваться кружению, огонькам вокруг, добрым улыбкам Топора и его подчинённых.

Бур двинулся дальше, повернул за дровяник. Сначала он увидел башмак, потом колено, потом ноги целиком, бушлат, лицо. Светлые глаза, взглядом пробившие небо насквозь. Пулевое отверстие во лбу.

А я так думаю, говорил Менделеев, нет никаких «светляков». Кто их видел хотя бы раз двоих одновременно? Я считаю, светляк всего один, многоликий, появляющийся то здесь, то там, дуращий всем мозги до полного отказа мозговой функции, закручивающий извилины морским узлом! Ты только почитай их листовки, Эстет! Это не лапша на уши, это перловка в уши, чуть тёплая и недосоленная! Кто писал эти тексты? Роботы? Заводные обезьянки? Там соображалка в глубоком ауте, говорящие куклы пытаются разговаривать с другими говорящими куклами, бессмысленное действие!

Бур опустил на колени, протянул руку и трясущейся ладонью закрыл Менделееву глаза.

Сто одёжек, и все без застёжек. Имена, определяющие жизнь и судьбу человека, облетали одно за другим. Верхние листья сожрали слизи, но ближе к кочерыжке что-то уцелело. Эстет, вспомнил Бур. Они звали меня «Эстет». Мне не нравилось, но так уж сложилось, ничего страшного, позывной как позывной. Я приехал сюда, потому что считал это

единственным правильным действием. Потому что против заразы нужен карантин. Потому что нет вакцины, и излечения нет.

Светлый, до какой же степени надо быть уверенным в своём всеилии, чтобы не поставить меня к стенке, не посадить в подвал, не ограничить в свободе хотя бы на первое время... Ты сожрал Бура, ты сожрал Колю Бурова, ты сожрал всех вокруг, до кого дотянулся. Ты даже Трубача надкусил издалека.

Эстет обхлопал карманы Менделеева, но чуда не случилось, пистолета у студента никогда не было. Нашёлся только маленький кнопочный мобильник. От нажатия кнопки засветился монохромный кристаллический экран. Одна палочка зарядки. Куца телефонная книжка с именами, сокращёнными до одной буквы.

Всё это неважно, подумал Эстет, плохое пройдёт, а хорошее останется. Только надо постараться, очень постараться, чтобы стало хорошо, очень хорошо, ещё лучше...

Из трубы дома повалил сизый дым. Бойцы Топора подтянулись на тепло. Когда Светлый без охраны и сопровождения вошёл во двор дома, раньше принадлежавшего сельской учительнице Кристине Борисовне, он увидел только потерянно стоящего у крыльца новенького – того самого, что подарил сведения об обороне Шатовки.

– Светлый! – восторженно воскликнул тот. – Пожалуйста, позволь обнять тебя!

Все новенькие проходили эту фазу. Отказываться было бессмысленно. Своего рода ритуал. Телесный контакт лишь окончательно закрепит связь. Светлый снисходительно улыбнулся и молча развёл руки. Новенький устремился к нему.

От Светлого пахло корицей, пряником, детским мылом. Эстет – Бур – Коля зажмурился, прижавшись щекой к широкой жёсткой груди, обхватив Его руками на уровне пояса.

– Мы же будем вместе, Светлый?

– Конечно, Коля! Я всегда буду с тобой! – голос лился как патока, успокаивая и подбадривая.

Кажется, Колю даже погладили по голове.

Звонко щёлкнула скоба наручников, соединяя Колины руки на талии Светлого.

– Я так рад, – сказал он. – Всегда – это то, что надо!

Светлый попытался оттолкнуть его, но Коля держал крепко-крепко, изо всех своих искренних сил. В воздухе родился тонкий новорождённый звук, что-то такое, чего только что не было, а теперь стало. Рой разбуженных комаров над болотом. Полозья санок хрустят по свежему снегу.

– Помогите! – закричал Светлый. – Ко мне! Сюда!

От этого крика помутнение, в которое так легко соскальзывал Коля Буров, ненадолго отступило.

В доме слышались шаги, и на крыльцо выскочил Топор с оружием в руках. Увидев происходящее, вскинул автомат, но замер в нерешительности – любая пуля досталась бы и

Светлому тоже.

– Я позвонил товарищу, – сказал Коля – Бур – Эстет, – и попросил огневой поддержки. Он никогда мне не отказывал, и теперь ему причитается одна вещь, он давно просил.

Рука Светлого нашарила горло Эстета и впиалась в него когтями в попытке добраться до кадыка. Прижав подбородок к груди, Эстет ещё плотнее притянул Светлого к себе, до судороги. Запястьям стало скользко и очень больно. Звук в воздухе оформился в пение хвостовых оперений реактивных снарядов. Глаза Эстета были закрыты, и он не понял, чьё острие вонзилось ему в бок, под рёбра, ещё и ещё. Нужно было удержаться, не дать Ему спрятаться, скрыться, висеть на Нём якорем, пятипудовым замком, мёртвым грузом, бульдожьими челюстями, крепче, держать крепче, так хорошо, так спокойно. Как же хорошо, что Он рядом, счастье, счастье, Коля заплакал от восторга в голос.

– Зачем? – сквозь зубы процедил Светлый, всё ещё трепыхаясь, пытаясь вырваться, вывернуться из сковывающих объятий.

Врать Ему не представлялось возможным. Коля, преисполненный любви и благоговения, ответил Светлому не своими, но очень точными взрослыми словами:

– Из эстетических соображений. Ты велик! Но твой мир – некрасивый.

Ощущая спиной, загривком, затылком, как огненной стайей опускаются на Шатово очищающие жар-птицы.

Татьяна Маховицкая

Огнеупорщик

*Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые.*

В. Высоцкий

Этот город даже не был Ему родным. Он появился на свет далеко отсюда, в Смоленской губернии. Но семья приехала сюда в голодные годы, и это семью спасло – здесь росла кукуруза. Он менял на станции Майорск мешки с початками на соду, мыло и другие необходимые вещи – помогал матери. Так что уважал эту землю и был ей благодарен.

А потом воевал за неё. Горел в танке. На спине до самой смерти сидел шрам от ожога.

– Папа, – спрашивала дочь, – почему ты не рассказываешь о войне?

– А что я буду рассказывать? Как я в окопе с товарищем сижусь, а он вдруг на меня валится, и я обнаруживаю, что у него головы нет? Или как я по трассе на танке еду, а на проводах человеческие кишки гроздьями висят? Ничего красивого на войне нет – грязь и кровь!

Позже Он встретил здесь свою судьбу. Лену, похожую на Любовь Орлову и посвятившую всю себя любви к мужу.

Работала она воспитателем в детском садике. Проработывала горы литературы – по детской психологии, развивающим играм... Но всё о ней может сказать эта история. Однажды Лену вызвала директор сада. Ненадолго, отсутствовала она не более десяти минут. С детьми оставалась няня. Детей нельзя оставлять одних ни при каких обстоятельствах. По служебной инструкции и в соответствии со здравым смыслом.

Когда Лена вернулась, няни не было. Куда её унесло – хрен знает, но детки нашли себе занятие. Двое повисли на двери, ведущей в противоположную комнату, и катаются взад-вперёд. А одна девочка держится за косяк двери так, что закрывающаяся дверь вот-вот размозжит её пальцы.

Лена, не раздумывая и не колеблясь ни секунды, летит через всю игровую комнату и единственное, что успевает, – вставить в щель собственную руку.

Врачи еле собрали из осколков безымянный палец. От ампутации спасло обручальное кольцо, сплюснвшееся до чертаний скрепки. И потом палец был искривлён, и Лена носила обручалку на среднем.

Девочка осталась бы без кисти руки.

Он яростно учился, мучительно вспоминая школьную хи-

мию. Вообще-то раньше мечтал быть геологом. Но ведь металлургия и огнеупорная промышленность не так уж далеки от геологии?

Родители Лены помогли выжить.

Родились дети, сын и дочь. Он очень хотел, чтобы дети выучились.

А сам стал инженером-огнеупорщиком. В Донецке имелся филиал Всесоюзного Ленинградского института огнеупоров – тогда ещё был не Санкт-Петербург, а Ленинград. Пришлось ездить по всему Союзу с опытными партиями изделий. Огнеупоры нужны на каждом металлургическом заводе – такова специфика промышленности. На донецкий адрес приходили неподъёмные посылки с керамикой и силикатами.

– Папа, что тут? – важно спрашивала дочь, указывая пальчиком на очередную посылку, отправленную начальником со смешной фамилией Материкин. – Пробки, трубки или стаканы? Опять Материкин прислал?

Дочка визжала от восторга, когда Он возвращался домой из бесчисленных командировок. Привозил всегда что-то радостное – миниатюрные ёлочные игрушки... Яркие апельсины в сетке... Московские бублики – нигде таких не пекли! Орехи из Молдавии и арахис из Казахстана!

– Папа, папа приехал!

И всегда к Новому году успевал достать ёлку, как бы трудно это ни было! Дочь сидела под ёлкой, жевала иголки – ей это безумно нравилось – и сочиняла сказки, персонажами которых были игрушки, привезённые папой.

А книжки, которые Он тащил через всю страну, – отдельная история!

– Так, русские народные сказки... Братья Гримм... Греческие мифы! Французские легенды!

Сын вырос и высшего образования не захотел. Просто работал токарем, хотя много читал, очень любил кино и обладал недюжинной эрудицией. Дочь выросла и училась как проклятая, потому что вбила себе в голову, что сделает большое открытие в генетике. Ну и хорошо. Пусть делает. Он и сам мечтал о многом в своё время. Хотел построить подводную лодку и плавать, как капитан Немо. Открыть таинственный остров, как капитан Грант. Летать на другие планеты, как капитан Бартон...

Ну Бог с ними, с капитанами. Он делал кирпичи, стаканы и трубки. Для донецкой металлургии.

На пенсию долго не уходил, потому что не знал, как обходиться без работы. Потом, когда всё же вышел, говорил: «Ремонт меня спас. Иначе не смог бы».

А когда умер, шли уже девяностые. Бывало, что и болтушку из муки с Леной ели. Дочка, оказавшаяся по распределению вместо исследовательского института в школе посёлка Зайцево, подбрасывала картошки. Но гордые родители помощь не приветствовали – это мы, дескать, должны детям помогать, а не они нам!

Он сидел за столом в кухне и смотрел в окно. И вдруг сказал:

– Это всё из Космоса...

И повалился набок.

Дочка в этот момент спала, в свой выходной отсыпалась. И снилось ей, что на пороге папа, приехал, как когда-то из Ленинграда, с полной сеткой оранжевых апельсинов!

– Папа, папа приехал!

Под Его гроб жена постелила лучшее покрывало. То, которое на диване лежало лишь по большим праздникам. Она бы и сама в этот гроб легла, если бы могла. И ушла в себя на долгих одиннадцать лет – столько ей суждено было прожить без Него...

А Он не ушёл, оказывается. Чувствовал – что-то не так, что-то назревает, уходить нельзя! Придётся помочь детям, они здесь остались, и не только они!

На Щегловке скучно и пусто. Не лучшее кладбище, но на

тот момент выбора не было. Участок со свежими могилами, ещё не обсаженный деревьями. Со склона церковь Макеевскую видно.

Ждал Он Лену. И дождался. Лежали они рядом, как и хотели. Дети выполнили её просьбу – положить в гроб Его письма. Которые Он ещё со сверхсрочной службы ей писал.

А вот и началось. Со Щегловки было слышно сразу же. Аэропорт недалеко... Дочь ехала с работы и увидела столб дыма над аэропортом.

Через два месяца она шла по бульвару Пушкина. Когда-то отец Лены, главный инженер службы зданий и сооружений Донецкой железной дороги, проектировал этот участок бульвара и зданий. Когда-то мамыны родители там и жили. А сейчас бульвар пуст, хоть криком кричи. Витрины магазинов закрыты щитами. Она шла оплатить интернет – в компании «Матрикс», едва ли не единственной, которая не сбежала из Донецка.

– Тюк-тюк... тюк-тюк... – стучали её каблуки по пустому бульвару. Эхо било в голову. Отзывались лишь далёкие разрывы. Что там происходит? А кто ж его знает...

«Как же ей страшно», – подумал Он. Помочь им, во что бы то ни стало!

Ей и было страшно. Всё валилось из рук. Не хотелось ни готовить, ни убирать. Она часами сидела на полу в спальне и смотрела на библиотеку, которую начал собирать отец,

а она подхватила. Когда книги стали доступны, покупала с жадностью, не жалея денег. Сейчас здесь было около четырёх тысяч томов.

Дом могут разбомбить. Книги сгорят.

Её вводили в ступор два факта. Во-первых, значит, государство может вот так просто решить убить часть своих граждан, призвать войска и начать стрелять по городам? И никому за это ничего не будет? Так можно?

А во-вторых, те кумиры, которых эти люди любили, на концерты которых стремились попасть, фильмы с участием которых обожали, тоже почему-то решили, что их надо убивать. Макаревич давал концерт перед украинскими солдатами, а в подвале соседнего здания сидели избитые, измученные ополченцы. Наверное, им было слышно.

А когда-то они всем классом писали в «Комсомолку» письмо. В защиту «Машины времени». После разгромной статьи «Рагу из синей птицы».

Донбасс должен выстоять в огне. Здесь огнеупорные люди – как живые, так и уже умершие!

Поднять всех. Всех, кто может помочь.

Вначале – к тем, кто работал на Донецком металлургическом заводе. Лежат они не так уж далеко. Тут же, Щегловка. Или Мушкетово.

– Папа, пойдём бабочек ловить?

В посадке, по дороге на кладбище, где похоронены бабушка с дедом, летали самые красивые бабочки. А ещё там падали жёлуди с дубков, гладкие, как полированные! И вдоль железнодорожной насыпи почему-то были насыпаны ракушки – откуда их привозили, почему именно морские ракушки? Так весело было их собирать!

Ещё запомнилось, как после весенней прогулки несли с мамой букет цветов абрикоса. Абрикосов сажали много, летом многие даже варили из них повидло, хотя чаще всего плодики были жилистыми – дички! Но сколько радости доставили тогда эти цветы!

– Привет, Андреич, сто лет не виделись! Ты когда... того... тоись?

– Давно, Михалыч, давно... Что думаешь?

Этот старик был похоронен на «Красной звезде». Хороший старичок, бывший партизан. После войны проработал на заводе до самой пенсии.

Дочь Он как-то привёл – показать цех. Внутрь, конечно, не пустил. В невыносимой жаре более пятидесяти градусов могли находиться лишь привычные ко всему огнестойкие плавильщики. Но слябинг был открыт, и хорошо было видно, как поток, сияющий огненной радугой, медленно застывает и превращается в аккуратный брусок.

Михалыч однажды спас весь цех. От взрыва. Однажды туда приволокли вагон металлолома.

А у старого партизана глаз-алмаз!

– Стойте, ребята! Стойте, нельзя это в печь! – заголосил он, бросаясь наперерез вагону.

Оказалось, среди металлолома лежит мина. Времён Великой Отечественной. Неразорвавшаяся.

Разворотило бы всю печь. Как бы не весь цех.

Как только старичок её углядел?

– Что делать будем, Михалыч?

– Как – что? Стоять! Насмерть!

И удалился. В сторону мемориала павшим воинам «Живые – бессмертным». Где ж ещё витать духам защитников завода?

А теперь доломиты. Без них огнеупорщикам никак.

Да, Никитовский завод давно не работал. Мало того – сейчас там стояли «воины света».

Сюда Он когда-то приезжал за опытными партиями изделий. А потом дочь какое-то время работала в школе, где учились дети рабочих.

Посёлок Зайцево... Скоро его практически сравняют с землёй. Интернет обойдут многочисленные фото разрушенной школы. На одной такой фотографии виден учебный плакатик из кабинета химии и биологии – «Эвглена зелёная»... Эвглена – на полуразрушенной стене... Ученики до-

чери рисовали. Памятник воинам-освободителям во дворе школы покроеся шрамами от многочисленных осколков, но выстоит.

Пострадает и мемориал за речкой Бахмутом, где каждый год ко Дню освобождения Донбасса проходили торжественные линейки...

Вышла старушка Вера Терентьевна.

– Всю жизнь тут отпахала, – проворчала она. – Вот уж не думала, что снова воевать придётся!

Бабушка обожала свой огород и внуков, тоже когда-то учившихся в школе, от которой теперь осталась бетонная коробка.

– Что делать будем?

– Стоять! Насмерть! Нам-то уж всё равно! Не волнуйся, Андреич, я всех соберу!

А впереди было очень значимое... Едва ли не главное.

Саур-Могила.

Как мало холмов в Донецкой степи! Она, конечно, не ровная, как столешница. Скорее, волнообразная. Курганы ещё иногда попадаются. Возможно, под ними спят скифские воины. Иногда археологи находят рядом с останками – не золото, нет, мечи, наконечники стрел. Посуду. Бусы. Под Макеевкой даже обнаружили могилу жрицы – или ведуньи? У неё было бронзовое полированное зеркало. Огромная по тем

временам редкость. Наверное, хозяйка предсказывала будущее. Что видела она в том зеркале, что могла предугадать?

Вряд ли это были наши предки. Племена кочевые, прошли и ушли. Но, может быть, они всё же считали своими земли, по которым кочевали?

А Саур-Могила гордо возвышается над равниной. Она здесь – царица. Ключ от Донбасса.

И хоть основной обелиск мемориального комплекса отличали в Киеве, по проекту киевских же архитекторов, пилоны и горельефы, изображающие реальных героев – артиллеристов, пехотинцев, танкистов, изготовили всё же здесь, на родине. На Макеевском трубно-механическом заводе. Из железобетона и гранита. Значит – тоже огнеупорные!

И лежат под мемориалом две сотни неизвестных воинов. Прорвавшие оборону Миус-фронта и овладевшие высотой. Положившие начало освобождению Донбасса. Сто тридцать два были захоронены после войны. Останки ещё восьмидесяти найдут уже после разрушения комплекса.

– Мы встанем, – отвечали они. – Встанем снова. Насмерть. А как иначе?

– И мы встанем, – раздались другие голоса. И ещё... и ещё...

– А про нас забыли?

Это слышали про беду воины, павшие в битве на Калке. И пришли из дальней тьмы.

– А мене чи візьмете? Чи прокленете?

– А это кто ещё?

– Та Сава ж я, казак, тезка Могили нашої. А це брат мій, Леонтій. Ми звідси татар відганяли! А тепер...

– Что ж, Сава, братья-то твои творят? Казаки запорожские?

– Та які ж то запорожці, тьху на них! Коли ж то запорожці на своїх йшли?

С каким восторгом читали мы когда-то про подвиги казачков! И гордились братством украинского и российского казачества.

Оказалось, мы – небратья. А когда-то на тот же мемориал вместе и средства собирали, и проектировали его.

Ну, если уж и Сава...

Да и не только Сава. В темноте замелькали уж вовсе немыслимые тени.

Скифы! Скифы всё же пришли! И ведунья стоит впереди всех, с зеркалом в руках. Наша ведь, макеевская.

– Мы в убежище пошли! – кричал в это время Его сын сестре по телефону. – Гладковку бомбят!

Из трубки выло и грохотало.

– Ой, Сашенька, иди скорее!

В те дни серьёзно пострадает Краеведческий музей. Обрушится крыша левого крыла, повредив чучело мамонта. По-

гибнут многие экспонаты. Чудом выживет Рыжый – кот, общий любимец, и с тех пор будет носить под шкурой осколки, которые ветеринары побоятся удалять.

Кота-то за что? Сепаратист?

И хотя переходила высота несколько раз из рук в руки, но ополченцы пошли вперёд. И закрепились окончательно. Как мало их осталось после многочасового боя! А они, пользуясь чудом сохранившейся мобильной связью, вызывали и вызывали огонь на себя. Чтобы не дать врагу подняться по склону. Иногда и не разобрать было, чьи снаряды рядом ложатся – свои или вражеские.

Но мелькали рядом тени и отводили снаряды от воинов. Сколько могли. Насколько хватало их призрачных сил. Падали гранитные плиты, крошился железобетон, а люди стояли. И продолжали призывать огонь.

Неожиданно пришлось павшим столкнуться ещё с одной напастью. Рядом с осаждавшими высоту замелькали совсем другие тени – чёрные, липкие. Потому что эта земля хранила кости не только защитников, но и захватчиков. Тех, кто пришёл, неся смерть и злобу, и остался гнить в забвении.

Вылез из могилы фашизм, протянул свои жадные щупальца в умы и души. Долго ждал и дождался...

Пришлось призрачному воинству отвлекаться, отбивая атаки чёрных теней. Правда, сил у тех было не так много – слишком уж прогнившими оказались эти души.

И Он не отставал. Где-то рядом душа Лены истекала слезами. Опять, опять война! Которую Он ненавидел. И верил, что она не вернётся на эту землю.

Вернулась. Не добили гадину. Снова окопы, снаряды и рваные куски тел человеческих...

Прилетал штурмовик, навредить успел, но был ослеплён ведуньиным зеркалом, развернулся, ушёл и был сбит под Макеевкой. В верном направлении отправила.

Потом ополченцы будут рассказывать журналистам о том, как мелькали рядом с ними непонятные отблески, дым свивался в странные фигуры. Наверное, чудилось среди непрерывных вспышек и взрывов. Или не чудилось?

А когда наконец все атаки были отбиты и дымное облако рассеялось, с вершины стало видно море. Наше, Азовское, родное!

Дочка мечтала о море, хотела когда-нибудь увидеть океан. Но в детстве и Азовское море выглядит океаном, а счастья уж точно приносит не меньше. Ракушки, уже не с железнодорожной насыпи, а из самого моря. Разноцветные камушки, некоторые волшебные, с дырочками. Тёплая вода, в которой можно сидеть сколько угодно, и не простудиться. Волны, на которых можно прыгать, как на батуте. Ямка с голубой глиной, про которую говорят, что она помогает

при болезнях суставов. Вот сколько чудес!

А взяв Саур-Могилу, на побережье вышли очень быстро. Да, потеряли его значительную часть. Но хотя бы Новоазовск наш, хотя бы Седово!

Он потом очень жалел, что не попал в Мариуполь, не поднял своих и там. Ведь сколько раз был и на Азовстали, и на заводе имени Ильича!

Не надо было останавливаться тогда... Но уж очень больно резануло.

На линии пересечения возле Волновахи тётка, предлагающая комнаты для коротающих ночь в очереди, громко заявила:

– Только и жить стали, как эта война пришла! Хоть бы длилась подольше! Дай Бог здоровья тому, кто её начал!

Какой, интересно, Бог у этой тётки? Видела ли она хоть раз дом, развороченный снарядом? Или детей, сутками не вылезавших на солнечный свет, потому что надо прятаться в подвале от обстрелов? Слышала ли вой матери, откапывающей из-под развалин тело собственного ребёнка?

Наверное, нет. Потому что наши снаряды в сторону жилых домов не летают.

Не все, значит, у нас огнеупорные. Есть и те, чей уровень – корыто. И всё равно, кто в него наливает сытные помои, замешанные на чьей-то крови.

Дочери довелось как-то беседовать с группой психологов, оказывавших помощь детям из Широкино – когда там ещё кто-то жил. Потом в посёлке то менялась власть, то он оказывался в серой зоне, пока не опустел окончательно. Узнала много интересного. Например, о сущности человеческой.

Психологи организовывали игры с детьми, пытаясь как-то снять стрессовые состояния. И заметили, что одну девочку в игру не берут. Не хотят.

Стали выяснять, в чём же дело. Выяснили.

– А почему в наши дома попали, а у неё целый?

В качестве тестового задания детям раздавали картинки с силуэтом человека. Как раз после того, как посёлок в очередной раз перешёл от украинцев к ополченцам. Нужно было закрасить силуэт в цвета, символизирующие чувства, которые этот человек вызывает. Образцы цветов были приведены тут же. Но один из мальчиков даже не посмотрел на них. Он просто взял чёрный карандаш и заштриховал всего человека.

– А почему ты так сделал?

– Он плохой. Он у меня забрал.

– Что забрал?

– Я не помню...

Получается, «воины света» попросту вынесли из домов всё стоящее. Какая-то вещь была так дорога мальчику, что психика вытеснила память о ней. Чтобы не сойти с ума от

потери.

И в Иловайском котле, и в Дебальцевском души витали над битвой. И враг замирал в ужасе, внезапно увидев перед собой обнажённого по пояс скифа с копьём. Или красноармейца с пятиконечной звездой на головном уборе.

Краматорск, Константиновка, Славянск остались «на той стороне». Ситуация вначале затормозилась. Потом была заморожена. Но души никуда не ушли. Они ждут, когда и где понадобится их помощь.

Потому что Донбасс не может быть расколот. Не может он быть и отделен от России. Именно на Константиновском заводе «Стройстекло» было сварено рубиновое стекло для кремлёвских звёзд. Оно выдерживает ветер и мороз, дождь и снег; выдержало и перестройку, и раскол Союза. Выдержит, что бы ни случилось. Наверное, тоже сверхпрочное, как всё донбасское.

Донбасс – сердце России.

Пока Донбасс стоит – и России быть.

Наши предки позаботятся.

И Огнеупорщик тоже здесь.

А потом пришёл сын.

– Вот, па... И я уже здесь. Помогу, чем смогу.

– Да что ж ты так рано?!

– Получилось так, извини. Тромб.

– Как же она там одна?

– Ничего, справится. Я ей звонить буду!

– Сашенька, Сашенька! – кричала его дочь. – Это ты?!

Сашенька!

– Танька, ты что психуешь! Не смей! Сегодня тринадцатое ноября! Каждый год в этот день будешь мне рассказывать, что сделала за год!

– Саша, ну а ты там как?..

Заминка.

– Ну... место хорошее...

– Место хорошее, а тебе-то как там?!

– Хотел бы я тебя видеть рядом... но тебе сюда не надо!

– Сашенька, я понимаю, что мне туда не надо... Но вот ты там, уже всё знаешь. Скажи, что будет?

Щелчок в трубке.

Женский голос.

– Вы там с ума сошли, что ли! Мы только по одной минуте разговаривать разрешаем! Он вам ничего больше не скажет!

– Девушка... девушка, я понимаю, что Вы – Ангел. Но раз мы уже с Вами говорим... Папе... папе привет передайте! Только не забудьте! Пожалуйста!

Андрей Лазарчук

Сопутствующие потери

*Техникам и пилотам 3-й отдельной эскадрильи
БПЛА Новороссии посвящается*

Треньк клювом по проволоке. Тррреньк!

Иван Дмитриевич отложил книгу (Gary Marcus Kluge, The Naphazard Construction of the Human Mind), взял зубную щётку, подошёл к клетке. Воронёнок топтался на жёрдочке. Повернул и наклонил голову, требовательно уставился чёрным глазом. – Кар-р-роший!

– Хороший, – согласился Иван Дмитриевич и, просунув щётку между прутьями, почесал ему шейку. Глаз закатился. – Х-ха... Ка-а... Кар! – Хороший, – повторил Иван Дмитриевич. Задумался.

Воронёнку уже пора было давать имя, а имя никак не приходило. Вó ронам имена не придумывают, имена должны возникать сами. Имя определяет всю будущую судьбу этой непростой птицы. Иногда имена появлялись моментально, а иногда – вот как сейчас – сильно задерживались... Это, в общем, ничего не значило, рано или поздно имя придёт. Но как-то неловко общаться с птицей, никак её не называя.

– Подожди меня, – сказал Иван Дмитриевич и вышел в лоджию. Открыл створку окна, высунулся в тёплую сухую

ночь, набил табаком трубку, раскурил. Затянулся, поёжился от удовольствия.

Дом стоял на окраине, окна выходили на юг, почти сразу отсюда начинались дачи. Так что огней было всего ничего. Глаза понемногу привыкали к темноте, и вот уже видны стали звёзды...

...А ещё (он знал, что этого нет на самом деле, слишком далеко, но воображение рисовало) горизонт вспыхивал далёкими зарницами. Будто бы погромыхивало, и тянуло пороховой гарью и гарью сгоревшего тола...

Придерживая рукой забившееся сердце, Иван Дмитриевич вернулся в комнату. Воронёнок смотрел пристально.

– Будешь Искра, – сказал Иван Дмитриевич. – Искра.

– Исс-ккра, – повторил воронёнок.

* * *

Все последние годы отпуска ему были в тягость. Хотелось в аудиторию, в лекционный зал, в библиотеку, просто в свой уютный, хоть и спартанский кабинет. Дышать книжной пылью, слышать скрип и стук разошедшегося паркета коридоров, вбивать в головы студюозусов основы знаний. Студиозусы год от года становились в массе своей глупее и глупее, но при этом нагтели по экспоненте. Это был вызов, и пока что Иван Дмитриевич с ним справлялся. Хотя и знал, что рано или поздно всё кончится скандалом и увольнением. На

участившиеся вопросы «Чому не державною мовою?» терпеливо отвечал на украинском, что до тех пор, пока не будет создан адекватный понятийный тезаурус, будет преподавать так, как считает нужным, поскольку в противном случае не гарантирует полной взаимной коммутации. Оппоненты слегка терялись. Ректор его защищал, но Иван Дмитриевич знал, что Потылица не всемогущ и на него давят и сверху, и с боков, и снизу, со стороны студенческих патриотических объединений. Он сразу сказал Потылице, что готов уйти в любой момент и что не будет в обиде, и именно поэтому ректор готов был держать его до последнего. Чтобы в критический момент скормить толпе и эффектно, и эффективно.

Хорошо, что пока никто не знал про Вику с девочками. Но узнают рано или поздно.

Вика была племянницей, девочки-близняшки, Таня и Даша, внучками – единственными родными людьми. Они жили там, где вспыхивали зарницы. Иван Дмитриевич много раз просил её приехать к нему или перебраться в Россию. Но Вика была такая же упёртая, как он сам. Здесь наш фронт, дядя, говорила она, куда я от учеников? Она была учительницей истории, и Иван Дмитриевич понимал, что здесь, в Городе, она преподавать не сможет.

* * *

Серёжка Полторак снова сбежал из дому. Он сбежал при-

мерно раз в полгода. А что оставалось делать, когда жизнь повторялась как дурной сон: мать приводила очередного мужика, и тот рано или поздно начинал Серёжку учить правильно себя вести? Учили все одинаково...

Хорошо было сбегать весной или осенью. Дачи в основном стояли пустые, а вскрывать нехитрые замки он умел давно. Один из «батьков», весь синий от татуировок, показал ему, как это делается, а у Серёжки оказались способности. Кстати, неплохой был мужик, руки не распускал, и, может быть, всё бы у них срослось, но однажды он ушёл из дома попить пива с друзьями – и больше не вернулся. Мать так и не смогла узнать, куда он делся. Да, может, не особо и узнавала – привела другого, и всё. Вот тот был козлина...

Сейчас, летом, прятаться на дачах куда труднее, народу много. Пришлось пробираться через заросшую сухую балку и лесополосу в заброшенную часть дачного посёлка. Была такая. Почему её забросили, Серёжка не понимал, но тут было как под Чернобылем: пустые дома, сплошной бурьян, изломанные больные деревья с пожелтевшими листьями. Домов, наверное, с полсотни на двух улочках. И – никого.

Он только начал осматриваться, когда навстречу ему из кустов вышла большая неопрятная собака. Наклонила голову, молча показала клыки. Серёжка вытащил из кармана пистолет, медленно поднял. Собака какое-то время смотрела на него, потом что-то поняла, поджала хвост и исчезла. Больше не появлялась.

Пистолет он с месяц назад вытащил у пьяного, валявшегося в гаражах. Спрятал на всякий случай – вдруг пригодится? Сепары нападут, а он без оружия. Вот – пригодился.

Некоторые домики были грубо взломаны. Туда он даже не входил. Наверняка ничего нет, да ещё и насрано по углам. Находил запертые, возился с замками, пробирался внутрь, осматривался при свете фонарика. Обязательно лез в подвал.

В четвёртом по счёту домике он решил поселиться. В подвале было полно банок, за домом нашёлся колодец со старинным ручным насосом, в шкафчике возле продавленной кровати-раскладушки лежали затхлые, но чистые простыни. Что ещё нужно человеку? Электричество. Ладно, чего нет, того нет. Обойдёмся...

Серёжка распаковал рюкзак, спрятал две буханки хлеба в кухонный шкафчик на стене – от мышей. Сел за стол, подпёр руками подбородок. Он был уставший и почти счастливый.

* * *

Часов в семь вечера Иван Дмитриевич начал собираться. Удочки в чехле, ящик со всяческими рыболовными принадлежностями, складной стульчик, старая брезентовая плащ-палатка, проволочный садок, термос, помидоры, бутерброды... Набор был надёжный и никогда не вызывал подозрений у проверяющих. Да и сам облик Ивана Дмитриевича скло-

нял к доверию: лет семьдесят на вид, аккуратная седая шевелюра, академическая бородка, круглые подслеповатые очки, старая «вратарская» кепочка, советских времён штормовка... и всё это трясётся в голубеньком ушастом «запорожце». Единственный предмет, который выбивался из тщательно проработанного образа, – десятидюймовый планшет, китайский ноунейм; впрочем, из всех программ там были только карты с отмеченными рыбными местами. Ну большие карты, всю область охватывающие, так их других и нет в природе. В общем, никогда к планшету патрули не цеплялись.

В девять он подъехал к даче Никиты. Никита двадцать с лишним лет назад был его аспирантом, и отношения у них до сих пор были «сенсей – кохай» – хотя Никита, конечно, продвинулся куда дальше, особенно в практическом применении их исследований. Сейчас он работал в фирме, которая разрабатывала проекты для армии и нацгвардии; там он колдовал над филинами и голубями, прекрасно зная, что это тупиковые пути. Но стоило произнести вслух волшебные слова «ночное зрение» или «киевская княгиня Ольга», как на филинов-разведчиков и голубей-поджигателей отваливали нехилые такие суммы. Собственно, из этих сумм они с Иваном Дмитриевичем и финансировали собственную программу. Красть в наше время было куда безопаснее, чем получать деньги со стороны...

Никита ждал его на крыльце, уже полностью экипированный – в шляпе, выдавшем виды широком плаще и резиновых

сапогах. Они обнялись и пошли в сарай, к вольерам.

– Как Машка? – спросил Иван Дмитриевич.

– Ничего нового, – сказал Никита. – То получше, то похуже. Эскулапы твердят: «Покой, покой...» А где я ей возьму этот покой? Не завезли покой в наше село...

Машку, Марию Никитичну, Никита поднимал в одиночку с шести лет. Не женился. Машка блестяще закончила универ и начала работать в одесской лаборатории – тоже зоопсихология, но с морским уклоном. Платили гроши, но была хорошая перспектива уехать в Италию к профессору Канестрини – уже шла вполне серьёзная переписка. Но второго мая Машку чудом спасли из горящего дома, и с тех пор в ней что-то всерьёз надломилось; она была не борец, и на Куликово поле пошла тогда просто за компанию... Никита перевёз её в Город, держал при себе лаборанткой, таскал по врачам – без всякого результата: Машка оставалась вялой, безвольной, ничем не интересовалась, ничего не хотела, только сидела, уткнувшись в телевизор, а потом плакала ночами.

Трое воронов были готовы сегодня: Гром, Невермор и Красавец. Это была одна генетическая линия, но разные поколения – в каком-то смысле дед, отец и сын. Младшему, Красавцу, было три года, а старшему, Грому, – пять. Все были в прекрасной форме и встретили Ивана Дмитриевича весёлым побряхтыванием – передразнивали, мерзавцы.

Он их погладил, поговорил за жизнь, рассказал анекдот про ворону и обезьяну – вороны вежливо похохотали, потом

умолкли. Догадывались, что им предстоит. В *деле*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.